

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
Институт социального образования
Факультет международных отношений и социально-гуманитарных коммуникаций
Кафедра рекламы и связей с общественностью

**Тенденции и перспективы развития внешней политики КНР в
постбиполярной системе международных отношений**

ОП ВО «41.03.05 – Международные отношения»

Выпускная квалификационная работа

Выпускная квалификационная работа
допущена к защите
Зав. кафедрой рекламы и связей с
общественностью

Исполнитель:
Кошкин Сергей Александрович,
студент 408 группы
очного отделения

_____

дата

_____

подпись

_____

дата

_____

А.В. Коротун,
канд. пед. наук, доцент

Руководитель ОПОП:

_____

А.В. Коротун,
канд. пед. наук, доцент

Научный руководитель:
Грибан Ирина Владимировна,
кандидат исторических наук, доцент
кафедры рекламы и связей с
общественностью

_____

дата

_____

подпись

Екатеринбург 2016 г.

Оглавление

с.

Введение.....	3
Глава 1. Исторические и концептуальные основы внешней политики КНР в условиях постбиполярного мира	7
1.1 Постбиполярная система международных отношений: этапы формирования, характеристика.....	7
1.2. Место КНР в постбиполярном мире: геополитическая характеристика..	17
1.3. Эволюция концепций внешней политики КНР во второй половине XX - XXI вв.	33
Глава 2. Анализ основных направлений внешней политики КНР в конце XX - начале XXI вв.....	44
2.1. Внешняя политика Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Центральной Азии.....	44
2.2. США во внешней политике КНР: проблемы и перспективы сотрудничества.....	58
2.3. Российско-китайские отношения в XXI в. Ситуационный анализ.....	69
Заключение	82
Список использованных источников и литературы.....	85
Приложение	91

Введение

Актуальность темы исследования. В условиях постбиполярной системы международных отношений становится особо актуальной борьба за полюсы силы. У Китая в последние десятилетия развивается мощнейшая экономика, которая в ближайшем будущем может сделать это государство экономическим гегемоном. Россия в условиях западных санкций вынуждена идти на тесное сотрудничество с КНР, что ставит Китай в выгодное положение. США перестают быть главной действующей силой в международных отношениях, их влияние сильно снижается на фоне внешнеполитических неудач на Ближнем Востоке и в Восточной Европе. КНР в союзе с Россией набирают обороты и теоретически могут представлять новый полюс силы на востоке. Ситуация в международных отношениях осложняется этими факторами, поэтому изучение тенденций развития внешней политики Китая в условиях постбиполярности приобретает особую актуальность и политическую значимость. Учитывая демографическое положение Китая, территория которого серьезно перенаселена, им в ближайшем будущем теоретически могут потребоваться новые земли для расселения. В условиях тесного сотрудничества с РФ и их территориальной близости, данные перспективы выглядят потенциальной угрозой безопасности. Также, с каждым годом возрастает давление КНР на мировую экономику, в виду серьезного финансового и промышленного роста этой страны. В дальнейшем, Китай может добиться таких объемов торговли с Западом, что сможет сам диктовать условия. Следует изучить особенности постбиполярной системы и место КНР в ней, чтобы понять дальнейшие перспективы экономического и геополитического роста КНР. Нужно определить уровень влияния Китая в регионе, выявить особенности межгосударственных отношений в треугольнике КНР – США – Россия.

Объектом исследования является постбиполярная система международных отношений.

Предметом исследования - внешнеполитический курс КНР в постбиполярный период.

Хронологические рамки исследования не ограничиваются лишь временным промежутком постбиполярного мира. Это обусловлено тем, что необходимо выявить тенденции и перспективы развития внешней политики КНР. Для этого следует обратиться к корням и историческим предпосылкам существующего внешнеполитического курса, понять с какого момента начались определенные концепции, положившие начало сегодняшней внешней политике Китая. Таким образом, под исследование попадает довольно большой период со второй половины XX в. до наших дней, когда Китай начинает играть особую роль в международных отношениях.

Территориальные рамки исследования обусловлены направлениями внешней политики КНР. Наиважнейшими акторами современной парадигмы международных отношений в постбиполярном мире по-прежнему являются США и Россия, как гегемон и страна с амбициями гегемона, бывшие идеологические центры биполярности. Поэтому важно выявить принципы сотрудничества и разногласий Китая с этими странами. Также важно показать внешнеполитические направления по отношению к соседям Китая по Азиатско-Тихоокеанскому региону, ведь там существует несколько территориальных конфликтов с Японией, Индией, Вьетнамом, Тайванем. Нами также рассмотрены такие направления внешнеполитического курса КНР как центральноазиатское, африканское, латиноамериканское.

Степень изученности темы. Существует достаточно много работ, авторы которых в том или ином ракурсе рассматривают внешнюю политику Китая. Это, например, работы таких авторов, как М.В. Александрова, В. И. Балакин, А.Д. Воскресенский, Ю.М. Галенович, В.И. Добренько, Д. А. Жирнов, Л. Кленацкий, О. Л. Остроухой, В. Я. Портяков, А. И. Салицкий, А. А. Свешников и др. В них охвачен широкий круг проблем, включающий как общие стратегические моменты внешней политики, так и частные, касающиеся приграничных проблем.

Свой взгляд на эти проблемы представлен у целого ряда китайских авторов, таких как Ван Цисы, Лю Цинцай, Лю Цзайци, Хэ Вэйган, Цзя Цинга, Чжоу Вэньчжун и др. ученые, работы которых так же разнообразны по кругу рассматриваемых в них факторов.

Таким образом, существует немало работ, посвященных анализу внешней политики КНР. Вместе с тем, в настоящее время все еще мало исследований, посвященных масштабному осмыслению приоритетов внешнеполитического курса Китая в условиях постбиполярной системы международных отношений.

Цель исследования состоит в том, чтобы в ходе всестороннего анализа внешней политики Китая в XX–XXI вв. выявить ее особенности и тенденции развития в условиях постбиполярной системы международных отношений.

В связи с поставленной целью, для более полного и глубокого исследования, решаются следующие задачи:

- охарактеризовать особенности постбиполярной системы международных отношений;
- сформулировать положение дел КНР в условиях постбиполярной системы международных отношений и описать геополитическое положение этого государства;
- выявить основные направления внешней политики Китая;
- осветить стержневые проблемы в Центральной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе с позиций интересов КНР;
- выявить стратегические интересы КНР и США в сохранении мира и стабильности, их проблемы и противоречия;
- рассмотреть основные направления стратегического партнерства Китая и России.

Источниковая база исследования представлена официальными документами Государственного совета КНР, договорами между Россией и

КНР, документами, посвященными принципам внешнеполитического курса КНР.

При выявлении исторических предпосылок внешнеполитического курса КНР возникла необходимость обращения к историческим источникам нормативно-правового характера (Документация по IX Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая, Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики). Также возникла потребность процитировать мемуары, задокументированные воспоминания современников и отрывки из выступлений Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, Си Цзиньпина.

Методы исследования. Основой исследования являются общенаучные методы (анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнение, причинно-следственный анализ и аналогия). При написании эмпирической части работы был использован метод прогнозирования, классификации, наблюдения, описания. При написании последнего параграфа и исследовании тенденций развития отношений России и КНР был использован метод ситуационного анализа.

Описание структуры ВКР: работа состоит из введения, двух глав, шести параграфов, заключения, списка литературы и использованных источников, а также приложений.

Глава 1. Исторические и концептуальные основы внешней политики КНР в условиях постбиполярного мира

1.1 Постбиполярная система международных отношений: этапы формирования, характеристика

Постбиполярная система – это система международных отношений, сформированная после распада СССР и развала социалистического лагеря как действующего полюса международных отношений в противовес капиталистическому лагерю. Постбиполярная система как таковая получила возможность сформироваться после распада СССР, поскольку мир, разделенный по сферам влияния двух концепций – коммунизма и капитализма прекратил существование. СССР, будучи центром и флагманом коммунистического лагеря, отказался от социалистического пути развития. Были проведены экономические реформы, началась постепенная интеграция бывшей огромной независимой советской экономики в западную систему рыночных отношений. Смена политического курса Советского Союза означала системный крах идей социализма, мир по сути стал однополярным – США и капитализм полностью обозначили свое всеобъемлющее влияние в мире. Правопреемницей сверхдержавы СССР стала, разумеется, Россия, получив большую часть ядерной мощи и экономического потенциала Советского Союза. Новая Россия, с ее слабой и, встающей на путь нового развития, экономикой, не могла противопоставить ничего мощной и развитой на тот момент системе США.

Распад Советского Союза привел к колоссальным сдвигам в соотношении сил на мировой арене. Александрова отмечает, что при этом распад биполярной системы имел отличия от краха предшествующих систем международных отношений. Во-первых, "Лагерь мира и социализма" не был разгромлен по итогам мировой войны. Он сам прекратил свое существование

во имя присоединения к противоположному, западному, лагерю. Во-вторых, крах биполярной системы и образование новой системы международных отношений не были кодифицированы в ходе какого-либо представительного международного форума (наподобие Венского конгресса 1814 - 1815 годов или Потсдамской конференции 1945 года). Соединенные Штаты Америки желали сохранить свободу рук на международной арене по отношению как к бывшим противникам в «холодной войне», так и к собственным идеологическим и военно-политическим союзникам [Александрова М. В., 2005, с. 128].

О. Арин справедливо отмечает, что на рубеже 1980-х - 1990-х годов, когда биполярная система шла к логическому завершению своего существования, никто не задумался о необходимости договорно-правового оформления новой постбиполярной реальности. Экономическое, военное и идеологическое превосходство США и Запада на рубеже веков казалось непоколебимым. Крупнейшая экономика мира являлась главным источником мирового технического прогресса: в начале XXI века на США приходилось 35,8% мировых расходов на производство новых технологий. [Арин О., 2000, с. 75].

С середины 2000-х гг., многие аналитики все более настойчиво подчеркивают неприемлемость однополярной системы управления международными процессами для многих влиятельных субъектов мировой политики. Так, один из наиболее авторитетных российских теоретиков-международников М. А. Хрусталева писал, что «американская мировая гегемония» - явление сугубо авторитарное, хотя и маскируемое ссылками на общечеловеческие ценности (включая, естественно, демократию). Эта авторитарная тенденция, предполагающая утверждение США в качестве центра управления системой международных отношений, неизбежно ведет к отрицанию самой идеи регулирования, а, следовательно, и всего того, что было сделано в этом плане ранее. Курс на установление американской мировой гегемонии («новый мировой порядок») встречает как пассивное, так

и активное сопротивление других субъектов международных отношений. Оно все чаще побуждает правящие круги США прибегать к вооруженному насилию, игнорируя нормы международного права и действуя в обход ООН [Богатуров А.Д., 2009, с. 112].

Это активное и пассивное сопротивление не случайно. Строгая иерархия мира во главе с США приводит к запутанной ситуации, когда малые государства из числа официальных союзников США играют куда большую роль в системе международных отношений, чем такие мощные государства, как Индия, Китай или Россия, у которых отсутствуют институционализированные военно-политические связи с Соединенными Штатами. Вместе с тем нелегко представить ситуацию, когда Россия смирится с тем, что у Эстонии, например, более весомый, чем у нее, голос в решении проблем европейской безопасности. Соответственно, вряд ли стоит ожидать, что КНР смирится со второстепенным положением при решении проблем безопасности АТР по сравнению с такими американскими союзниками, как Южная Корея или Австралия [Бажанов Е.П., 2000, с. 98].

Анализ любой системы международных отношений подразумевает оценку степени ее устойчивости - как к изменениям во внешней среде (для системы международных отношений таковой является совокупность всех трансграничных транзакций), так и к антисистемным действиям со стороны активных участников системы. Оценивая степень устойчивости нынешней СМО, многие исследователи указывают на якобы присущую ей высокую степень конфликтности.

Так, по мнению президента американского Совета по международным отношениям Р. Хаасса, на смену однополярному пришел бесплюсный мир, в котором доминируют не только и не столько великие державы, сколько негосударственные игроки, включая племенные ополчения, международные организации, средства массовой информации и транснациональные корпорации. И этот мир, полагает Хаас, будет практически неуправляемым [Балакин В.И., 2005, с. 281].

Те международники, которые исходят из того, что на смену однополярному придет не бесполосный, а многополярный мир, также высказывают опасения относительно его повышенной конфликтогенности. По словам российского исследователя В. М. Кулагина, "рассуждения о "многополюсности" вызывают ассоциации с перспективой обострения конфликтности между крупными державами и усилением подчиненности средних и малых государств "полюсам" силы. Угадываются контуры новых противостоящих блоков, неспособных совместно противостоять даже общим угрозам".

Для полноценной характеристики постбиполярной системы международных отношений мы попытаемся разграничить этапы развития постбиполярного мира:

1. Начальная фаза переходного периода (1985 – 1991 гг).

Начиная с 1980-х годов, председатель КПСС М. С. Горбачев провозгласил в СССР курс на радикальное обновление устаревших советских взглядов («перестройку»), вместе с тем дополненное политикой преодоления конфронтации и сближения с Западом («новое мышление»). Главное содержание переходного периода — преодоление биполярной дихотомии в международных отношениях, холодной войны как такого способа их организации, который на протяжении примерно 40 лет до этого доминировал в ареале Восток—Запад (советский социализм – капитализм). Из-за пересмотра взглядов Советским Союзом, биполярная система как таковая начала изживать себя, а самоликвидация СССР вообще поставила точку в биполярном взгляде на мир.

2. Однополярная полицентричность (1991 – 2001 гг).

США полностью становятся доминантной силой в мировом сообществе, они диктовали свои условия и России, и всей Европе. НАТО под предводительством Соединенным Штатам продолжало свое расширение на восток, прибирая к рукам бывшие страны ОВД, вроде Чехии и Словакии. Целью НАТО стало размещение военных баз на территории соседских с

Россией стран, чтобы подавить ее возможные в будущем имперские амбиции. Страны Прибалтики также сразу же примкнули к блоку НАТО, серьезно ослабив влияние России в регионе восточной Европы.

Огромное значение также имело идеологическое лидерство Запада. В теоретических конструкциях главарей новой системы международных отношений "баланс сил" был заменен "балансом интересов" на основе признания всеми субъектами международных отношений общечеловеческих ценностей.

После распада биполярной системы было сделано немало предсказаний относительно прочности и долговечности однополярного мира с Соединенными Штатами во главе. Обосновывая этот тезис, специалисты-международники указывали, в частности, на преобладающую американскую мощь, которую ни в каком обозримом будущем не смогут уравновесить ни другие державы, ни даже гипотетические антиамериканские коалиции великих держав, и на нежелание ведущих субъектов международных отношений бросать вызов США ввиду их заинтересованности в сохранении тех международных институтов и режимов, которые были созданы при решающем американском участии.

Новая сформированная организация СНГ, пришедшая на смену СССР в качестве экономического и военного союза для постсоветских государств, имела перспективы сплотить бывшие социалистические республики и не дать НАТО возможности распространить свое влияние дальше, но она так и не стала серьезным и влиятельным актором международных отношений. СНГ многие называют «мертворожденной» организацией. Этот пугающий диагноз связан с тем, что данное содружество в ходе истории неоднократно показало свою недееспособность и абсолютно формальный статус. Большинство экономических операций между странами участниками проводится в каких-то других организациях: ЕврАзЭС, Таможенный союз и тд. Это скорее просто обобщенная структура для обозначения формальных международных отношений между странами участниками. Некий суррогат

формата СССР, который был нужен постсоветским государствам на момент развала Союза, чтобы они могли почувствовать себя самостоятельными акторами международных отношений [Бергер Я., 2006, с. 17].

3. Конец однополярности США (2001-2010 гг)

По общему признанию большинства отечественных и зарубежных экспертов-международников, именно теракты 11 сентября 2001 года в США и последующие военные операции США и их союзников в Афганистане и Ираке явились водоразделом в мировой политике и мощнейшим катализатором крушения Вестфальской системы и формирования контуров нового мирового порядка.

Потребовалось гораздо больше времени, чтобы им на смену пришли новые сущности — институты, модели внешнеполитического поведения, принципы самоидентификации, структурирование международно-политического пространства или его отдельных сегментов. Постепенное становление новых элементов в 1990-х и 2000-х годах нередко сопровождалось серьезными турбулентностями. Этот процесс составляет содержание следующей фазы переходного периода. Она включает в себя целый ряд событий и явлений, наиболее важными из которых представляются следующие.

В бывшем социалистическом лагере в центре развернувшихся изменений находится демонтаж Ялтинской системы, который происходит относительно быстро, но все же не одновременно. Формального прекращения деятельности ОВД и СЭВ было для этого недостаточно. В обширном сегменте международно-политического пространства, который составляют бывшие участники социалистического лагеря, необходимо, по сути дела, создать новую инфраструктуру взаимоотношений как между странами региона, так и с внешним миром. Постепенно выясняется, что страны региона не горят желанием провозгласить нейтралитет или превратиться в «мост» между Россией и Западом. Что они сами стремятся стать частью Запада. Что они готовы сделать это на институциональном

уровне, вступив в ЗЕС, НАТО, ЕС. И что они будут этого добиваться даже вопреки противодействию России [Бергер Я., 2003, с.118].

В переходный период возникает первая острая проблемная ситуация в отношениях Москвы как с западными странами, так и с бывшими восточноевропейскими союзниками. Таковой стала линия на включение последних в НАТО. В НАТО сокращаются масштабы военных приготовлений и одновременно начинается трудный процесс поиска новой идентичности и новых задач в условиях, когда исчезла главная причина возникновения альянса – «угроза с Востока». Символом переходного периода для НАТО стала подготовка новой Стратегической концепции альянса, которая была принята в 2010 г.

Расширение ЕС также вызывает политический дискомфорт в России - хотя и выраженный в гораздо более мягкой форме. В ЕС переход в новое качество планировался с принятием «конституции для Европы» (2004 г.), однако этот проект не получил одобрения на референдуме во Франции (а затем и в Нидерландах) и потребовал кропотливой работы по подготовке ее «сокращенного» варианта (Договор о реформе, или Лиссабонский договор, 2007 г.). В качестве своего рода компенсации произошло значительное продвижение в направлении создания собственного потенциала ЕС по решению задач кризисного регулирования. В целом переходный период для ЕС оказался насыщенным крайне серьезными переменами, главными из которых стали: а) увеличение в два с половиной раза количества участников этой структуры (с 12 почти до трех десятков) и б) распространение интеграционного взаимодействия на сферу внешней политики и политики безопасности.

Россия должна была пройти как через преодоление болезненного синдрома «исторического отступления», так и через фазу «внешнеполитического сосредоточения». Колоссальную роль сыграли грамотное выведение страны из дефолта 1998 г., а затем исключительно благоприятная конъюнктура на мировых рынках энергоносителей. К

середине 2000-х годов Россия начинает все чаще демонстрировать наступательный активизм в сфере взаимоотношений с внешним миром. Его проявлением стали энергичные усилия на украинском направлении (с целью отыграть потери, которые Москва усматривала в «оранжевой революции» 2004 г.), а также - и даже еще более отчетливым образом - грузино-осетинский конфликт 2008 г.

4. Завершающая фаза формирования постбиполярности (2010 – 2014).

Здесь нужно зафиксировать основные черты существовавшей в мире до 2014 года постбиполярности, охарактеризовать их:

1. Отсутствие четкого центра силы. Однополярный мир, основанный на безраздельном господстве США в мире, по крайней мере, в первую половину XXI века, не может обеспечить ни международную безопасность, ни национальную безопасность даже самих США. Концепция многополюсного мира также не может быть прочной конструкцией нового мирового порядка: сентябрьские 2001 года теракты показали не только, что ни один полюс силы не в состоянии защитить себя в одиночку, но и то, что все они одновременно и в одинаковой степени уязвимы. В международной системе произошло (и продолжает происходить) перераспределение удельного веса между различными существующими и возникающими центрами влияния — в частности, в том, что касается их способности оказывать воздействие на другие государства и на внешний мир в целом. К «традиционным» полюсам (страны ЕС/ОЭСР, а также Россия), в динамике развития, которых есть немало неопределенностей, добавляется ряд наиболее успешных государств Азии и Латинской Америки, а также ЮАР. Все более заметно присутствие на международно-политической арене исламского мира (хотя по причине весьма проблематичной его дееспособности как некоей целостности вряд ли в данном случае можно говорить о «полюсе» или «центре силы»). Геополитически центр тяжести международной системы смещается в направлении Восток/Азия. Именно в этом ареале находятся самые мощные и

энергично развивающиеся новые центры влияния. Именно сюда переключается внимание глобальных экономических акторов, которых привлекают растущие рынки, впечатляющая динамика хозяйственного роста, высокая энергетика человеческого капитала. Вместе с тем именно здесь существуют наиболее острые проблемные ситуации (очаги терроризма, этноконфессиональные конфликты, ядерное распространение).

2. Очевидна главная роль в структурировании международной системы крупнейших государств, образующих ее верхний уровень. За неформальное право войти в состав ядра международно-политической системы конкурируют между собой 10-15 государств. Расширение их круга за счет стран, которые в предыдущем состоянии международной системы располагались достаточно далеко от ее центра (Китай и Индия).

3. При относительном ослаблении позиций США сохраняются их огромные возможности влияния на международную жизнь. Роль этого государства в мировой экономике, финансах, торговле, науке, информатике уникальна и будет оставаться таковой на обозримую перспективу. По размерам и качеству своего военного потенциала оно не имеет себе равных в мире (если абстрагироваться от российского ресурса в области стратегических ядерных сил).

4. Глобализация со своими плюсами и минусами. (Среди плюсов – коллективная борьба с общими проблемами):

- преодоление бедности, борьба с голодом;
- содействие социально-экономическому развитию наиболее отсталых стран и народов;
- поддержание экологического и климатического баланса;
- минимизация негативных воздействий на среду обитания человечества и биосферу в целом; - решение крупнейших глобальных проблем в области экономики, науки, культуры, здравоохранения;

- предупреждение и минимизация последствий природных и техногенных катастроф;
- организация спасательных операций (в том числе по гуманитарным основаниям);
- борьба с терроризмом, международной преступностью и другими проявлениями деструктивной активности;
- организация порядка на территориях, утративших политико-административную управляемость и оказавшихся во власти анархии, угрожающей международному миру.

5. Фаза изменений и начала многополюсности (2014 – наше время).

2014 г. можно назвать поворотным для внешней политики России. В связи с украинскими событиями она окончательно отказалась от следования в фарватере Запада и вступила с ним в конфронтацию. Это фактически означало коренное изменение внешнеполитического курса Москвы, проводившегося с 1991 г. Хотя 1991–2014 гг. знали различные периоды как близкого сотрудничества, так и разногласий с Западом, Россия в конце концов всегда шла на стратегические уступки. Сегодня такие уступки маловероятны, возможны лишь тактические договоренности. Это вызвано окончательной потерей доверия РФ к США и Европе как к политическим и экономическим партнерам и пониманием, что дружественные отношения с ними без полного подчинения их правилам установить не удастся. В связи с этим Москва начала реальный, а не только словесный (как это было до украинского кризиса) поворот к незападному миру [Лукин А., 2016, с. 17–29].

Таким образом, сформировалась система международных отношений, постоянно изменяющая свои параметры, трансформирующаяся и по сей день. Для этой системы характерны: глобализация, стирание национальности – растет влияние наднационального образования Евросоюз, к примеру. Процессы глобализации серьезно уменьшают значение национального суверенитета. Сверхдержавы в настоящее время не являются приоритетными

гегемонами в мировом порядке – США больше не может контролировать Ближний Восток, например, в котором сейчас повышается влияние России благодаря борьбе с Исламским Государством. Центры влияния смещаются к Востоку, ведь Китайская Народная Республика показывает потрясающие показатели в росте военной и экономической мощи.

1.2. Место КНР в постбиполярном мире: геополитическая характеристика

Китайская Народная Республика — одно из важнейших государств современного мира. Китай занимает территорию 9,6 млн квадратных километров и является самой многонаселенной страной мира, в которой в начале XXI в. проживает более 1 млрд 300 млн человек. Столица - Пекин.

Возникнув в 1949 г., современная Китайская Народная Республика прошла через ряд драматических этапов в своей истории, включая разрушительную «культурную революцию», чтобы в конце 1970-х гг. начать внутренние социально-экономические реформы, которые в начале 2000-х гг. вывели страну на траекторию одного из лидеров мирового экономического развития. Стремительный экономический рост Китая, его ускоренная интеграция в мировую экономику и, как следствие, настоящее и будущее влияние на международные отношения сделали анализ роли КНР в мировой политике и экономике в последние годы весьма актуальной исследовательской темой. Китай меняет мировую конфигурацию соотношения сил, сложившуюся политическую и экономическую иерархию стран. В нашей стране Китай воспринимается почти исключительно как страна, в высшей степени удачно проводящая рыночные реформы и демонстрирующая выдающийся пример динамичного развития. Начатые в 1978 г. реформы обеспечили Китаю экономический подъем и растущий авторитет на мировой авансцене. Тем самым были созданы условия для вовлечения страны в процесс глобализации, который стал важным фактором

модернизации всех сторон жизнедеятельности китайского общества, включая его политическую систему [Болятко Л., 2000, с. 11].

После смерти Мао Цзэдуна (1976) в стране с 1978 проводится курс на модернизацию экономической и политической жизни с целью превращения Китая к середине 21 в. в высокоразвитую державу. Была расширена хозяйственная самостоятельность предприятий, допущена многоукладность в экономике, с целью привлечения иностранного капитала в Китае образованы «открытые экономические районы» и «специальные экономические зоны». В 1997 по договору с Великобританией, заключённому в 1989, осуществлена передача Сянган (Гонконга) Китаю, который получил статус специального административного района. [Современная геостратегия Китая. Режим доступа: <http://uchebnik-online.com/129/1774.html> Дата обращения: 14.06.2016]

Развитие Китая на протяжении последних без малого пятнадцати лет неразрывно связано с курсом на открытие экономики внешнему миру. Движение в этом направлении то ускорялось, то притормаживалось, но отката назад не было. Правда, последний период в жизни страны (начиная со второй половины 1988 г.) совпал с острым политическим кризисом, пик которого пришелся на весну-лето 1989 г., что повлекло за собой перегруппировку сил, поиск новых путей, прежде всего в тактике реформ [Бунин В.П., 2000, с. 145].

Была провозглашена политика "урегулирования" экономики. Приоритетными целями были объявлены достижение баланса между совокупным спросом и предложением, преодоление "перегрева" экономики, диспропорций между основными отраслями, снижение инфляции. "Урегулирование" никоим образом не отменило открытую внешнеэкономическую политику, хотя и не могло не отразиться на ней. Его влияние можно расценить в целом как положительное, стабилизирующее.

Заслуживают внимания в этой связи действия китайского руководства по рационализации импорта, увеличению эффективности экспорта, усилению

контроля за внешнеторговыми операциями, банковской деятельностью, по сокращению числа экспортно-импортных компаний. С учетом наступающего "пика" выплат по внешнему долгу инвестиционная и импортная политика велась осторожно. Ограничивался валютный кредит, поощрялось в целях экономии капитала создание полностью иностранных предприятий, несколько раз снижался валютный курс юаня ради стимулирования экспорта и сдерживания импорта. В результате впервые за десятилетие в 1990-1991 гг. удалось достигнуть положительного торгового баланса (около 8 млрд. долл.). Инвалютные резервы КНР выросли к началу 1992 г. до 42,7 млрд. долл. при сумме внешней задолженности около 53 млрд. долл. [Волохова А.А., 2000, с. 154].

Однако ситуация в этой области отнюдь не безоблачна. Негативную роль сыграли санкции западных стран, принятые после печально известных событий на площади Тяньаньмэнь. Из-за этого в 1989-1990 гг. впервые за годы реформ сократился общий объем иностранных инвестиций - как в форме кредитов (были заморожены программы льготных займов по государственной линии, кредитов МВФ, Мирового Банка, Азиатского Банка Развития), так и капиталовложений. Ниже желаемой отметки упал импорт, снизились темпы роста экспорта. Ощутимо пострадал туризм: в 1989 г. число туристов, приезжающих в Китай, снизилось почти на четверть, и страна не досчиталась 14% валютных поступлений.

Можно задать вопрос: почему санкции Запада против Китая с самого начала имели по сути предупредительный характер и были отменены спустя два года (фактически с начала 1991 г.)? Чем объяснить столь либеральное отношение ведущей "семерки" Запада к коммунистическому Китаю? Почему несмотря на нарушение Китаем ряда важных демократических свобод и прав человека, американская администрация каждый год продлевает режим наибольшего благоприятствования в торговле с ним? Думается, с одной стороны, это объясняется интересами геополитическими, а с другой - чисто экономическими. Западный бизнес слишком глубоко внедрился в Китай,

чтобы безболезненно для себя порвать с ним связи. Немалую роль здесь играет и Гонконг - главный китайский торговый партнер и инвестор, который в 1997 г. воссоединился с КНР.

Все эти обстоятельства, безусловно, способствуют экономическим связям со странами Запада. Но важную роль играет, и сугубо прагматическая политика частичных уступок Западу при весьма твердом соблюдении Китаем своего основного стратегического курса. В конце 1991 г. здесь обнародована концепция прав человека, подчеркивающая приоритетность «права на существование» - жилье, одежду, питание. Гражданские же свободы, по мнению руководителей Китая, играют подчиненную роль. Такой подход они обосновывают ссылками на традиционные ценности китайской цивилизации. При этом лидеры КНР проявляют известную гибкость, не отказываясь вообще обсуждать тему прав человека [Воскресенский А.Д., 2005, с. 320].

Совершенствуется законодательство в области внешнеэкономических связей. За период реформ появилось около 200 соответствующих законодательных актов. Так, еще в 1990 г. были приняты поправки к Закону о совместных предприятиях, запрещающие их национализацию, снимающие ограничения срока их деятельности, позволяющие иностранным гражданам занимать должность председателя правления СП. В 1991 г. в соответствии с новым законом о подоходном налоге, взимаемом с СП, установлена единая налоговая ставка для всех совместных и иностранных предприятий. При этом проводится политика поощрения совместных предприятий в производственной сфере (туда направляется подавляющее большинство зарубежных капиталов), а также в открытых экономических районах. Иностранцам предоставлены права длительной (5-90 лет) аренды земли и приобретения недвижимости [Воскресенский А.Д., 2004, с. 121].

Ряд экономических мер способствовал разрешению торговых противоречий, вызванных прежде всего дисбалансом в торговле с США. Среди них отмена экспортных субсидий и регулирующего налога на импорт, а также снижение импортных таможенных тарифов. Внесены изменения в

систему выдачи экспортных лицензий, введены новые правила «происхождения экспортных товаров» с целью пресечения нелегального экспорта китайской продукции (прежде всего текстиля) в США через третьи страны. Китай подтвердил, что будет соблюдать экспортные квоты текстиля в США. Китайский импорт, последний год превзошел его (соответственно 20 и 16%).

Усилия по либерализации внешней торговли направлены, помимо прочего, на восстановление полноправного участия Китая в ГАТТ, что должно обеспечить ему режим наибольшего благоприятствования в торговле со странами участницами этого соглашения. Наплыву западных инвестиций и кредитов способствовали также готовность Китая выплачивать свой долг и наличие для этого валютных резервов, накопленных благодаря все той же открытой политике. В целом можно сказать, что в результате быстрого развития внешнеэкономических связей негативные последствия июньских событий 1989 г. были в основном преодолены.

К началу 2000-х гг. КНР превратилась в одного из наиболее влиятельных «геополитических игроков» в рамках постбиполярной системы международных отношений. Обретение Пекином подобного внешнеполитического статуса во многом было обусловлено колоссальным развитием китайской экономики за последние три десятилетия. До начала мирового финансово-экономического кризиса осенью 2008 г. масштабы роста ВВП Китая составляли в среднем до 9% в год. После начала кризисных явлений в мировой экономике темпы поступательного развития экономического потенциала китайского государства несколько уменьшились. Однако несмотря на это Китай продолжает наращивать свою научно-техническую, производственную, финансовую и военную мощь. Так, в настоящее время КНР занимает первое место в мире по объемам золотовалютных запасов. К началу 2007 г., как считают специалисты, общая сумма валютных резервов КНР достигла приблизительно 1 трлн долл. А к февралю 2012 г. – возросла до 3 трлн 200 млрд долларов. И КНР при

сохранении подобной тенденции, согласно выводам многих и российских и западных экономистов, к середине XXI в. должна стать одной из крупнейших экономик мира, превосходящей по своим возможностям экономической потенциал США [Галенович Ю.М., 2003, с. 223].

Возвышение Китая до статуса мировой державы наиболее отчетливо наблюдалось в последние десятилетия XX в. Выход страны на первые роли в мировой геополитике изменил всю существующую систему международных отношений. Эта тенденция в наибольшей степени отразилась на положении России.

Китай - страна с плановой экономикой. Политическая и экономическая системы КНР стабильны и приток иностранных капиталов с каждым годом растет. Главными прямыми инвесторами в экономику Китая выступают Тайвань, Сянган, Аомэнь, Сингапур, то есть страны, где больше всего проживает китайцев. Бурно растет китайский экспорт: примерно на 25-30% ежегодно.

Многие специалисты, занимающиеся проблемами геополитики, считают нашего южного соседа наиболее опасным для России. Уже сейчас КНР является важным геополитическим фактором, оказывающим большое влияние на положение дел в России, особенно на Дальнем Востоке, в Сибири, Забайкалье. В силу объективных причин в ближайшие 10-15 лет - это влияние возрастет еще больше, что во многом объясняется специфическими условиями развития Китая. В настоящее время одна из главных тенденций российской дипломатии, состоит в том, что мы делаем Китай своим главным союзником. С одной стороны, это правильный подход, потому что союз с Китаем создает серьезную конфронтацию против НАТО и агрессивной внешней политики США в целом. Также это хороший союз в экономическом плане. Но есть и негативные моменты, ведь Китай играет в двойную игру. Они не вступают в открытую конфронтацию с США, держат своих соперников в статусе экономических партнеров и не вмешиваются в борьбу за разделение влияния в мире. Они тихо ждут своего шанса, когда

уровень их экономики и военной мощи станет настолько масштабных, что они смогут открыто идти на конфликт с крупнейшими акторами международных отношений. И вот тогда перед нами раскроется подлинный Китай. И нам, как соседям этого государства, возможно, придется сдерживать его на Дальнем Востоке.

КНР и Япония заинтересованы в развитии двусторонних экономических и торговых связях, но все же они выступают как конкуренты. Увеличивают продажу своих товаров в КНР Англия, Германия, Франция, Италия. Но в последнее время они стали уделять больше внимания росту прямых капиталовложений в экономику этой страны. В основе промышленно-экономической стратегии Китая лежит концепция ресурсосбережения. КНР преодолевает немало трудноразрешимых проблем. Главным остается вопрос «земли». Даже если Пекину удастся ужесточить демографическую политику «одна семья - один ребенок», то к 2015 г. численность населения Китая возрастает как минимум на 300 млн. человек. Безработные в КНР составляют почти 250 млн. человек. Такое сложное социальное явление порождает настроения миграции. По данным экспертов, на территории РФ, особенно на Дальнем Востоке и в Забайкалье нелегально проживает около 2 млн. китайцев. Если называть вещи своими именами, то идет тихая, ползучая китаизация приграничных земель России, особенно Приморья. Немалая часть китайцев живет в Казахстане, Таджикистане, Киргизии. Китаю нужны новые территории. А они есть только на Севере и Дальнем Востоке. Дружба с РФ связывает свободу КНР в Монголии, Забайкалье, в Казахстане и на Дальнем Востоке. Отсюда можно сделать вывод, что Китай опасен для России как геополитическая база атлантизма и как огромный инкубатор по производству людских ресурсов, так как Китай является страной с самой высокой в мире демографической плотности. КНР является потенциальным геополитическим противником России на Дальнем Востоке [Гизе К., 2003, с. 79].

Внешняя политика КНР будет направлена на стратегический выигрыш во времени для создания экономической и военной мощи, для превращения

Китая в мировую сверхдержаву. Осуществляться это будет за счет создания «Большого Китая», куда войдут Китай, Тайвань, Сянган (Гонконг), Аомэнь (Макао), Сингапур. Воссоединение этих территорий в едином государстве - цивилизации - это главная геополитическая задача современного Китая. На основе национальной и культурной базы между этими странами складываются и упрочиваются тесные производственно-экономические связи, образуя костяк «Большого Китая».

В связи с высокими темпами экономического развития КНР все острее ощущает дефицит ряда важных природных ископаемых, поэтому он вынужден их импортировать. Сельское население Китая существует за счет обработки земли и животноводства. Дефицит земельных угодий ограничивает рост занятости в деревне. Отрабатываемые земли постоянно сокращаются, так как строятся новые заводы, фабрики, электростанции и так далее. Земельный кризис сказывается на сборе зерновых. Поэтому ежегодно около 10 млн. человек мигрируют в город. Наблюдается большой рост безработицы.

Китай уже вошел в круг держав, определяющих основополагающие векторы развития геополитических полей и сил. Велики достижения КНР в военной сфере. За 10-15 лет Китай станет ракетно-ядерной сверхдержавой с мощным экономическим потенциалом. Динамичная экономика КНР позволит направить значительную часть ВВП на модернизацию вооруженных сил.

Если оценивать с точки зрения геополитики своеобразие концептуальной сущности внешнеполитической доктрины Китая начала XXI в., а также конкретные шаги Пекина, предпринятые китайским руководством в рамках постбиполярной СМО для практической реализации данной стратегической программной установки в 2003 – 2012 гг., то следует выделить следующие базовые принципы, на основе которых правящие круги КНР во главе с председателем КПК Ху Цзиньтао фактически сформулировали само содержание своего геополитического проекта. Как

следует заключить, китайская правящая элита в качестве сверхцели своего внешнеполитического курса в указанный период определила превращение КНР в одну из ведущих мировых сверхдержав. В этой связи Пекин особенно заинтересован в том, чтобы не допустить «успешного» осуществления США своих глобальных геополитических планов по установлению тотального господства над миром. Во многом по этой причине нынешнее руководство КПК также считает геополитически выгодным для Китая создание нового устройства мирового порядка, которое базировалось бы на принципах многополярности и которое по своей геополитической организационной структуре не допускало бы достижения одностороннего преимущества в международных делах исключительно для какой-то одной державы, кроме, естественно, КНР. В свою очередь, именно КНР, согласно данной внешнеполитической доктрине Пекина, должна играть в рамках такой многополярной СМО главную роль.

Вместе с тем китайские правящие круги также взяли курс на дальнейшую интеграцию страны в мировое хозяйство и извлечение максимальной выгоды из этого участия в процессах глобализации. И, таким образом, руководство Китая, опираясь на подобное структурное устройство «нового» постбиполярного мира, будет вполне способно, по замыслам китайских стратегов, фактически обрести «руководящие» международные позиции и обеспечить, тем самым, для всего китайского народа благоприятные возможности для того, чтобы достичь «экономического процветания и благополучия» в начале XXI в. Стратегические цели внешнеполитического проекта Пекина предусматривают достижение КНР прежде всего доминирующих геополитических позиций на пространстве Евразийского континента. При этом следует выделить две главные конкретные установки для геостратегии Китая в Евразии, которыми, как можно заключить, руководствуются в настоящее время китайские правящие круги.

Одной из важнейших целей внешнеполитических усилий Китая на стратегическом уровне геополитических приоритетов является формирование в Евразии под своей эгидой принципиально нового устройства так называемой «континентальной» СМО, а также создание структур общеевразийской системы безопасности. Согласно планам китайского руководства, определяющую роль в образовании новой «евразийской СМО», а также организационной модели трансконтинентальной военно-политической безопасности, естественно, станет играть КНР. Во-первых, Пекин для решения указанной геополитической задачи стремится создать в рамках евразийского пространства под своей эгидой политический и экономический альянс таких ведущих и экономически значимых государств данного континента, как Россия, Казахстан, Иран, Пакистан и Япония, пытаясь, тем самым, геополитически и геоэкономически объединить указанные страны вокруг КНР. Другими словами, китайские правящие круги на пути к достижению доминирующих позиций в Евразии рассматривают в качестве своих главных стратегических союзников на евразийском пространстве именно РФ, Казахстан, Иран, Пакистан, а также Японию. Во-вторых, руководство Китая для достижения доминирующего положения на евразийском континенте, а также обеспечения собственной военно-политической безопасности сейчас также активно использует фактор Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), членом которой КНР является и в рамках которой к началу 2012 г. Китай фактически сумел занять лидирующие позиции. В-третьих, китайские власти также полагают, что Пекину для «успешного» выполнения такого рода «евразийской геополитической программы» жизненно необходимым является усиление своего экономического и политического присутствия в Африке. В этой связи руководство КНР также рассматривает африканский континент в качестве важного направления своей геополитической и геоэкономической активности в начале XXI в. В-четвертых, правящие круги Китая также сочли целесообразным в целях укрепления своих геополитических и

геоэкономических позиций на международной арене усилить свое экономическое и политическое присутствие в Южной Америке. Однако данное направление китайской экспансии в настоящее время носит для Пекина, как следует заключить, второстепенное значение по сравнению с «евразийским» и «африканским» [Давыдов А., 2005, с. 123].

Важнейшее место в геостратегической программе Пекина в Евразии в начале 2000-х гг. также занимает реализация планов, предусматривающих «нейтрализацию» или «полное разрушение» попыток США, а также их главных стратегических союзников в лице государств ЕС и арабских стран Аравийского полуострова во главе с Саудовской Аравией реализовать в рамках Евразии совместные геополитические проекты, главной стратегической целью которых является установление полного военно-политического и экономического контроля Вашингтона над всем евразийским пространством и, таким образом, достижение Соединенными Штатами уже «абсолютного» господства над всем миром. Руководители КПК во главе с председателем Ху Цзиньтао для того, чтобы осуществить весь комплекс оперативно-стратегических планов своего геополитического проекта, в 2003–2012 гг. также сформулировали и стали последовательно воплощать в жизнь соответствующую геополитическую программу тактического значения. Как можно сделать вывод, тактические установки Пекина на международной арене предполагают ведение активной геополитической деятельности по следующим ключевым направлениям:

– Тайвань. По-прежнему главной задачей китайского руководства является создание для Тайваня таких геополитических и геоэкономических условий, которые позволяли бы вернуть это островное государство в состав КНР.

– Восточная и Юго-Восточная Азия. Как следует констатировать, правящие круги КПК очень заинтересованы в экономическом и политическом объединении вокруг Китая государств данного региона и образовании так называемого «Восточноазиатского сообщества». По мысли

китайских стратегов, для КНР ключевое значение для осуществления подобных тактических установок имеет налаживание самых тесных партнерских отношений с главными союзниками США в этой части Азии – Японией и Южной Кореей и включение их в это региональное объединение, подконтрольное Пекину. Власти Китая, стремясь создать под своей эгидой интеграционное пространство в АТР, в последнее время прежде всего резко активизировали свои внешнеэкономические связи с Японией, и с 2009 г. КНР стала крупнейшим торгово-экономическим партнером Японии. А с 1 июня 2012 г. Пекин и Токио начали осуществлять прямой обмен своих валют без пересчета на доллары, что должно значительно повысить эффективность двухсторонних экономических операций. Однако отношения на политическом уровне между этими странами остаются пока натянутыми. Главные причины складывания подобной ситуации – это обострившиеся в последнее время территориальные споры между КНР и Японией из-за принадлежащих последней островов Сенкаку (их китайское название – Дяоюйдао), расположенных в Восточно- Китайском море, которые Пекин считает китайской территорией, а также активное противодействие политическому сближению Пекина и Токио со стороны США. Что касается Юго-Восточной Азии, то Пекин в качестве «главного» инструмента для распространения своего политического и экономического влияния на страны этого региона стал использовать имеющуюся здесь многочисленную китайскую диаспору. Причем к началу 2000-х гг. представители китайских диаспор, как следует констатировать, уже сумели «создать» в государствах Юго-Восточной Азии необходимую для решения подобных геополитических задач финансово-экономическую базу. Так, активы, которыми располагают китайские общины в азиатском регионе, по данным аналитического отдела министерства иностранных дел и торговли Австралии, составляют от полутора до двух триллионов долларов. В Малайзии китайцы, составляющие треть населения, контролируют 70% национального богатства страны, в Таиланде китайцев 15%, но они владеют 80% национального богатства, в

Индонезии 4% китайского населения контролируют 73% экономики, а один процент китайцев на Филиппинах – 60% национального богатства. Экономическая жизнь Сингапура находится практически на попечительстве и контроле китайской диаспоры. Существенную роль китайские эмигранты играют и в экономике Австралии.

– Россия. В настоящее время Пекин активно стремится к тому, чтобы усилить свое геоэкономическое и геополитическое присутствие в первую очередь на территории Сибири и Дальнего Востока, т.е. в районах, где находится главная «сырьевая кладовая» РФ. При этом китайцы в основном используют финансово-экономические и демографические методы экспансии в данных регионах. Тем более что осуществлению такого рода китайских планов во многом благоприятствует та политика в отношении КНР, которой в настоящее время придерживается Кремль. В свою очередь, российские правящие круги, как следует констатировать, помимо координации усилий обеих стран на международной арене по решению различных внешнеполитических проблем также заинтересовано в том, чтобы развивать сотрудничество с Китаем в военно-технической сфере, в области энергетики, в торговле, в реализации совместных экономических проектов, и в том числе на территории России. Например, президент России Д.А. Медведев и председатель КНР Ху Цзиньтао во время встречи в Нью-Йорке, которая состоялась 23 сентября 2009 г., одобрили концепцию экономического сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и северо-восточными провинциями КНР на период с 2009-го до 2018 года. Данная программа предусматривает реализацию 205 совместных проектов в приграничных регионах двух стран. При этом все экономические программы, которые должны быть осуществлены на территории России, нацелены прежде всего на организацию совместной добычи сырья в дальневосточном и восточносибирском регионах. Как следует из принятого обеими сторонами документа, руководство России готово начать совместную разработку месторождений каменного угля, железной руды, драгоценных металлов,

апатитов и молибдена. Участие же Китая в этих проектах предусматривает создание в северо-восточной части страны промышленного производства из российского сырья олова, свинца, медных листов, кирпича, огнезащитных дверей, мебели, а также различной техники. И как следует констатировать, на ближайшие десять лет экономическое сотрудничество между Москвой и Пекином должно строиться, таким образом, по принципу «российское сырье – китайские технологии». По оценкам ряда российских экспертов, в результате достижения подобного экономического соглашения с Китаем, Россия фактически предоставила всю сырьевую базу Дальнего Востока и Восточной Сибири для эксплуатации китайской стороне. Другими словами, РФ в перспективе должна превратиться в важнейшую сырьевую базу для Китая в начале XXI в., т.е. практически стать «сырьевым придатком» КНР.

– Центральная Азия. В первую очередь Пекин также преследует в данном регионе Евразии долговременные экономические интересы. При этом главным направлением геоэкономической экспансии Китая является энергетическое. В этой связи основные геополитические интересы китайских властей и экономистов в Центральной Азии фокусируются в первую очередь на Казахстане, а также Туркменистане – странах, обладающих значительным углеводородным потенциалом и высокими экспортными возможностями в данной сфере. Важными торгово-экономическими партнерами КНР также стали Таджикистан и Кыргызстан. И к началу 2012 г. инвестиции из Китая в общем объеме вложенного к этому времени в экономику государств Центральной Азии иностранного капитала прочно заняли первое место.

– Большой Ближний Восток. Государства, расположенные здесь, являются крупнейшими поставщиками нефти в Китай, Японию, а также другие государства Восточной и Юго-Восточной Азии и Индию. При этом важнейшую роль в обеспечении потребностей КНР в этом виде энергетического сырья играют Саудовская Аравия и Иран. Кроме того, в начале 2000-х гг. китайские нефтяные компании сумели также заключить весьма выгодные концессионные контракты по добыче нефти с

правительствами Туниса и Ливии. Однако организованные США и их союзниками в 2010–2011 гг. государственные перевороты в этих странах, в результате которых к власти пришли исламисты, фактически полностью сорвали подобные далеко идущие планы КНР относительно организации масштабного экономического проникновения в Северную Африку и создания в первую очередь геополитических и геоэкономических возможностей для начала эксплуатации китайским капиталом нефтяных ресурсов в данном регионе. Вместе с тем следует отметить, что к началу 2000-х гг. в совокупном импорте Китая сырой нефти первое место по объемам стали занимать поставки из Саудовской Аравии, второе место – из Анголы, третье место – из Ирана, четвертое место – из России. Поэтому власти КНР в настоящее время всеми способами стремятся сохранить стабильность нефтяного импорта в необходимых объемах из этого региона, усилить свои политические и экономические позиции и не допустить при этом установления США своего монопольного контроля над имеющимися здесь углеводородными ресурсами. Ибо в противном случае Пекину вряд ли удастся успешно реализовать в первую очередь свои планы по созданию геополитически и геоэкономически эффективного «Восточноазиатского сообщества», а также поддерживать поступательное развитие китайской экономики. Стратегическими партнерами для КНР в рамках Большого Ближнего Востока являются прежде всего Иран, Сирия, а также Пакистан. Поэтому в силу указанных выше факторов еще один из важнейших внешнеполитических приоритетов тактического уровня китайских правящих кругов заключается также в том, чтобы сорвать существующие планы Соединенных Штатов и их союзников по развязыванию военной агрессии против Сирии и Ирана и уничтожению данных государств как евразийских и региональных «центров силы».

– Африка. Как следует констатировать, страны африканского континента также стали важнейшим направлением геоэкономической экспансии китайского капитала к началу 2000-х гг. При этом проникновение китайских компаний в Африку осуществляется комплексно и всесторонне

поддерживается государством. Главными целями внешнеполитического курса Китая на африканском континенте является обеспечение бесперебойных поставок необходимых энергоносителей и других сырьевых материалов для своей экономики. Китайские власти в качестве первоочередной задачи экономической политики рассматривают создание в африканских странах производственных мощностей и транспортной инфраструктуры, позволяющих осуществлять добычу и переработку нефти, а затем вывозить это сырье в КНР. Ключевыми партнерами для китайского капитала в данной сфере Базовые приоритеты геополитического курса КНР в постбиполярном мире в начале 2000-х гг. стали Ангола и Судан. Кроме того, в последние годы Китай активно расширяет свое присутствие в Габоне и Экваториальной Гвинее, где также имеются значительные запасы нефти. Помимо указанных государств китайские компании активно пытаются внедриться в экономику Зимбабве, Замбии, Нигерии, Конго, Сенегала, Гвинеи, поставляя в эти страны военную технику, обучая местных специалистов, осуществляя там различные инвестиционные проекты, которые связаны главным образом с добычей минеральных ресурсов и сооружением различных промышленных объектов, школ, больниц, железных дорог, шоссе, мостов, оптоволоконных сетей связи, направляя туда своих специалистов и др. И что не менее важно, сегодня руководство КНР также стремится решать такого рода задачи в области экспансии, в том числе и за счет организации массовой миграции китайцев в африканские страны и создания здесь многочисленных диаспор – как главных «опорных точек» усиливающегося геополитического и геоэкономического влияния Китая на африканском континенте;

– Южная Америка. Для Китая главным геополитическим и геоэкономическим плацдармом в этой части мира при осуществлении здесь различных проектов является Куба. И к началу 2000-х гг. КНР стала вторым по значимости торговым партнером для Кубы после Венесуэлы. Однако во внешнеполитических экспансионистских планах Пекина Южной Америке,

как уже указывалось выше, отводится второстепенная роль по сравнению с Евразией и Африкой.

В заключении стоит сказать о тех сторонах геополитического положения КНР, которые являются наиболее перспективными. Лидерство в Азиатско-Тихоокеанском регионе, насаждение собственной политики государствам Центральной Азии и тесное сотрудничество с Россией не в ущерб экономическим связям с США дают Китаю серьезное подспорье в развитии своего геополитического влияния на мир и превращения в центр силы.

1.3. Эволюция концепций внешней политики КНР во второй половине XX - XIX вв.

Внешняя политика КНР во второй половине XX в. прошла несколько этапов, на каждом из которых особое внимание Пекин уделял Азии. В 1950-х гг. она определялась в основном стратегическим и идеологическим союзом с СССР и была направлена на содействие Москве в ее борьбе с «мировым империализмом». Китаю была предоставлена некоторая автономия в Азии и Африке, поощрялось его лидерство среди дружественных социализму государств третьего мира. В период разрыва с СССР, и особенно «культурной революции», Пекин, руководствуясь революционным догматизмом, пытался взорвать Азиатский континент, поддерживая там радикальные антизападные движения. В 1970-х годах, после сближения с США на антисоветской основе, Мао Цзэдуном была выдвинута теория «трех миров», в рамках которой Китай объявлялся лидером развивающихся государств третьего мира. С конца 1970-х годов необходимость серьезно заняться внутренними реформами, и нормализация отношений с Москвой заставили постепенно отказаться от старых подходов.

Первая половина шестидесятых годов ознаменовалась открытым отказом китайских руководителей от «биполярного» видения мира, когда

противостояние «социализм - капитализм» было главным критерием при определении практических внешнеполитических шагов. Китай вырвался из «объятий» концепции жесткого «биполярного» противостояния, что поставило китайских руководителей перед задачей поиска нового теоретического обоснования поведения КНР на международной арене. В практическом плане это выразилось в провозглашении концепции «промежуточных зон». Эта концепция, официально опубликованная в начале 1964 г., звучала следующим образом: «Промежуточная зона состоит из двух частей: к первой относятся независимые и борющиеся за независимость страны Азии, Африки и Латинской Америки. Эту часть можно назвать первой промежуточной зоной. Ко второй части относятся вся Западная Европа, Океания, Канада и другие капиталистические страны. Эту часть можно назвать второй промежуточной зоной». Новое в данной концепции заключается, прежде всего, в том, что она носит вполне определенный целевой характер, направлена на формирование нового фронта борьбы против «американского империализма», а в перспективе, учитывая появившиеся в это время публичные заявления Мао Цзэдуна относительно того, что СССР «является врагом красного Китая» и «вступает в сговор с США для борьбы за мировое господство», и на сдерживание Советского Союза. Об этом свидетельствует опубликованный также в январе 1964 года призыв к «созданию широчайшего единого фронта борьбы против политики агрессии и войны американского империализма» и характеристика «обширнейших районов Азии, Африки и Латинской Америки как главной зоны бурь мировой революции». В последней цитате нашло отражение явное влияние политического экстремизма и теоретической неопытности китайских руководителей, а также проявилась стереотипность понимания методов ведения политической борьбы, которая сформировалась у них в годы гражданской войны [Делюсин Л.П., 2003, с. 303].

Как справедливо отмечали в тот период иностранные исследователи, китайские руководители пытались спроецировать свой опыт ведения

гражданской войны на мировой революционный процесс в той форме, в которой они его представляли. Наряду с тем, что к середине шестидесятых годов во внешнеполитической деятельности КНР стали проявляться рецидивы старого «партизанского мышления», эти изменения стали первыми симптомами дальнейшей идеологизации внешней политики КНР, процесса, принявшего абсурдные формы во второй половине шестидесятых годов.

«Десятилетие смут» (период с 1966 по 1976 гг.) стало трагическим этапом в жизни китайского общества. Не стала исключением и область внешней политики. По мнению китайских авторов, «культурная революция» отбросила назад развитие китайской науки о международных отношениях, нанесла ущерб международному престижу Китая. Особенно тяжелое положение сложилось в конце шестидесятых годов, когда исследования в области международных отношений практически прекратились. Были распущены научные центры, закрыты учебные заведения. Подвергались преследованиям квалифицированные кадры специалистов-международников. Сколько-нибудь систематическая исследовательская работа была прервана. Международные исследования вновь были ограничены крайне узким кругом высших руководителей. Например, с мая по октябрь 1969 года под патронажем Чжоу Эньлая в полуконспиративной обстановке, в тайне от хунвэйбинов, функционировала группа из четырех «старейшин» - Чэнь И, Е Цзяньина, Сюй Сянцяня и Не Жунчжэня. Эта группа в свободное от работы на столичных предприятиях время занималась исследованием международной проблематики и по итогам проводившихся несколько раз в месяц заседаний предлагала свои заключения по стратегическим вопросам международной ситуации, взаимоотношений с Советским Союзом и Соединенными Штатами и т.д. Причем в современных китайских работах внедрение таких методов анализа международной ситуации, ограниченных самих по себе, рассматривается как положительный сдвиг по сравнению с предшествующими двумя-тремя годами. Приведенные примеры лишней раз свидетельствуют об уровне внимания, которое уделялось в тот период

вопросам внешней политики и об уровне компетентности, на котором эти вопросы решались [Десягин М., 1999, с.4].

После прихода к власти Дэн Сяопина, Пекин взял курс на нормализацию отношений с государствами Азии, в особенности с соседями. Считалось, что именно ориентация на правительства азиатских государств, а не на коммунистические движения даст Пекину возможность расширять торгово-экономическое сотрудничество, получать необходимые технологии и инвестиции. Ради этого Пекин пошел на нормализацию отношений со многими бывшими соперниками, проявлял гибкость в решении территориальных проблем, отказывался от поддержки бывших союзников из числа маоистских антиправительственных движений. Порой это вело к поддержке авторитарных и откровенно диктаторских режимов.

На XII съезде, проходившем в сентябре 1982 г., была сформулирована концепция «независимой и самостоятельной внешней политики», смысл которой сводился к невступлению в союзнические отношения с какой-либо из «сверхдержав», т.е. к уравниванию СССР и США как партнеров или противников, но главное - к подчинению внешней политики целям экономического развития страны. Эта концепция официально определяет внешнеполитический курс Пекина и сегодня.

Важнейшим партнером КНР в Азии продолжала оставаться Япония, с которой Пекин традиционно имеет довольно сложные отношения. В целом Китай проводил курс на стабильные отношения с Японией, наполнение их стратегическим содержанием. В то же время дружбы, о которой часто говорилось в 1980-х годах, не получилось.

В набирающем силу Китае ради роста экономического сотрудничества были готовы закрывать глаза на то, что здесь считают посягательством на свои интересы. Китай обвинял Японию в том, что в японских учебниках истории затушевываются агрессивный характер японских военных действий в Китае во время Второй мировой войны и японские военные преступления на китайской территории. Недовольны там были и посещениями японскими

лидерами храма Ясукуни. Подобные действия часто вызывали недовольство и китайской общественности, студенты устраивали митинги у японского посольства в Пекине [Демченко Л. М., 2003, с.96].

Остро стоял тайваньский вопрос. Китай не возражает против неофициальных контактов японских представителей с Тайванем, однако резко выступает против встреч японских и тайваньских официальных лиц, особенно высокого уровня, считая это политикой, ведущей к созданию «двух Китаев». Обострилась и территориальная проблема: Китай претендует на острова Сэнкаку (Дяоюйдао), контролируемые Японией.

Отношения с государствами Корейского полуострова традиционно занимают приоритетное место во внешней политике Китая, что во многом обусловлено тем фактом, что исторически Корея и Китай были тесно связаны между собой. Корейцы позаимствовали традиционную китайскую культуру, которая здесь укоренилась глубже, чем в самом Китае. Временами части нынешней Кореи входили в состав Китая или находились от него в вассальной зависимости.

Новейшую историю китайско-корейских отношений определили разделение Кореи на два государства и Корейская война 1950-1953 гг., в которой Пекин оказывал полное содействие северянам, послав для их поддержки так называемых «добровольцев», а по сути регулярную армию. После окончания Корейской войны на протяжении более 30 лет Китай считал КНДР братским государством и оказывал ему всемерную поддержку, а Южную Корею - врагом и сателлитом США. Установление дипломатических отношений с Южной Кореей в 1992 г. и быстрое превращение ее в важнейшего торгово-экономического партнера КНР сделали позицию КНР более взвешенной [Жирнов Д.А., 2002, с. 125].

III Пленум ЦК КПК 1978 года явился важной вехой в истории КНР и переломным событием в процессе формирования китайских внешнеполитических концепций. Именно после его проведения на

протяжении восьмидесятых - девяностых годов закладывалась теоретическая основа современной внешней политики КНР.

Тем не менее в первые месяцы и годы после III Пленума ЦК КПК у непредубежденных наблюдателей могло сложиться впечатление о чисто пропагандистском характере принятых пленумом установок - настолько им противоречили практические внешнеполитические шаги.

Курс «четырех модернизаций», лежавший в основе решений пленума, очевидный упор делал на осуществление внутриэкономических преобразований. Внешней политике была отведена вспомогательная роль, связанная с обеспечением благоприятных внешних условий для модернизации Китая. В соответствии с этим менялся комплекс внешнеполитических приоритетов. На передний план выходили не цели подталкивания мировой революции, идеологической борьбы и «стратегического расширения», а проблемы национальной безопасности, связанные с обеспечением мирного стабильного окружения, и вопросы развития, прямо зависящие от перспектив оптимизации положения Китая в структуре мировых экономических и научно-технических контактов. В этой связи для Китая главной задачей становилось налаживание нормальных контактов со всеми членами мирового сообщества.

Дэн Сяопин пытался поставить на первое место во внешней политике Китая отношения с США. Возражая ему, на съезде КПК в 1982 году ее генеральный секретарь Ху Яобан заявил, что позиции Китая в отношениях с США будут более прочными, если сначала Китай укрепит отношения с СССР, Индией, Японией, государствами Западной Европы; однако большинство руководства поддержало Дэн Сяопина, и поворота во внешней политике тогда не произошло [Ивашов Л., 2006, с. 66].

Однако в первые два-три года после III Пленума Китай продолжал проводить ярко выраженную конфронтационную, антисоветскую политику. Причины этого крылись в том, что в Пекине при оценке международной ситуации считали, что в противоборстве «двух сверхдержав» СССР

находится в наступлении, а США в обороне, что характер проводимой Советским Союзом политики не дает Китаю возможностей для маневра, полагали, что уравновесить «негативное влияние советского фактора» представляется возможным не путем двусторонних согласований и уступок, а используя противоречия СССР со многими другими странами и организовав на него совместное давление. Наконец, антисоветизм китайского руководства в тот период являлся методом воздействия на западные страны с целью двустороннего сближения в жизненно важных для китайской модернизации областях.

На XII съезде была принята центральная установка на проведение «независимой и самостоятельной внешней политики», обуславливающая принцип невступления в союзнические отношения с какой-либо из «сверхдержав» и в определенной степени уравнивающая отношения Китая с Соединенными Штатами и с Советским Союзом.

Впоследствии такой подход получил дальнейшее развитие и выразился в широко цитируемой китайскими комментаторами формуле: «Китай придерживается принципиального подхода в отношениях с США и СССР. Мы не можем не улучшать отношения с ними из-за того, что они проводят гегемонизм. Мы не можем прекратить борьбу против их гегемонизма из-за того, что мы улучшаем отношения с ними. Мы также не можем из-за того, что мы улучшаем отношения с одной из них, пойти на ущемление интересов другой».

В новом подходе китайского руководства довольно отчетливо прослеживается изменение позиции КНР сразу по нескольким направлениям. Во-первых, Китай подчеркивает, что у него нет в мире постоянных противников, отношения с которыми возможно основывать лишь на непримиримой борьбе, действуя «острием против острия», подчиняя все формы взаимных связей конечной задаче взаимного противоборства. Отныне основной акцент делается не на поиски новых форм и методов конфронтации с противником, а на усилия по сокращению сферы этой конфронтации и

расширению области соприкосновения взаимных интересов. Иными словами, XII съезд закрепил отход от «конфронтации» в двусторонних отношениях (со «сверхдержавами») и принял курс на «конфронтацию и сосуществование» при постепенном повышении значения и расширении форм «сосуществования» в этом двуедином сочетании.

Несколько изменились с точки зрения китайских руководителей и функции, которые в новых исторических условиях предстояло выполнять развивающимся странам. От проблем антагонистического противостояния и острой политической борьбы основная ориентация стран «третьего мира» изменилась в направлении сочетания политической борьбы против отдельных проявлений политики гегемонизма на международной арене и политико-экономической борьбы за установление более справедливых и взаимовыгодных отношений со всеми остальными участниками международного процесса. Последнее, естественно, само собой подразумевало наличие нормальных взаимоотношений между самыми разными группами стран, включая «сверхдержавы» [Рогачев И., 2004, с. 236].

Важные изменения произошли в мировоззрении руководства Китая по проблеме определения места страны в структуре международных отношений. На XII съезде была подтверждена формулировка, о том, что КНР является и социалистической, и развивающейся страной, принадлежащей к «третьему миру». Китайские руководители особо подчеркивали в своих выступлениях, что Китай никогда не станет «сверхдержавой» и не будет проводить гегемонистскую политику. Новым же явилось то, что Китай в своих поисках самостоятельной роли в мире хотя и не декларируя, но тем не менее претендуя на место, равноправное положению сверхдержав, то есть близкое к положению третьего центра, выбрал образ «незаряженного полюса», находящегося на меньшем расстоянии от «разнозаряженных полюсов» - Соединенных Штатов и Советского Союза, чем расстояние, разделяющее их самих. В этом заключается важное значение установки на проведение «независимой и самостоятельной внешней политики», которую с

определенной точки зрения в тот период можно было назвать политикой «свободного балансирования» в треугольнике СССР - КНР - США [Михеев В., 2002, с. 412].

Вторая половина восьмидесятых и начало девяностых годов стали в мировой политике, пожалуй, наиболее динамичным периодом со времени окончания Второй мировой войны. Сегодня можно сказать, что этот временной отрезок был ознаменован началом кардинальных изменений мирового правопорядка, сложившегося в послевоенные годы.

Во-первых, Китай неуклонно преодолевает внешнеполитическое сознание развивающейся страны и соответствующее восприятие мировой политики. Не только географически, но и политически, экономически и идейно китайская дипломатия сегодня становится дипломатией страны с глобальными интересами, хотя и еще не вполне глобальными устремлениями. В повестке дня внешней политики КНР – борьба с мировым финансовым кризисом, противодействие терроризму, решение всемирных экологических проблем, энергетическая безопасность, борьба с эпидемиями и даже пиратством.

Во-вторых, и это, по всей видимости, гораздо важнее, просматривается осторожное стремление нового поколения китайских руководителей преодолеть в международной политике КНР жесткость так называемых максим Дэн Сяопина. Известно, что патриарх китайских реформ в свое время сформулировал семь принципов, от которых он призывал никогда не отходить. Этими принципами были: «хладнокровно наблюдать, укреплять свои позиции, уверенно реагировать на изменения, скрывать свои возможности и выигрывать время, научиться не привлекать к себе внимания, никогда не становиться лидером и вносить свой вклад». Установки вождя в целом ориентировали КНР на проведение «незаметной дипломатии». Китай должен был мало говорить и много делать, не вступать в споры, а развивать экономику, не претендовать на формальный статус лидера, а наращивать реальное международное влияние.

Но в современных текстах китайского руководства акценты звучат несколько иначе. В них говорится о том, что в долгосрочной перспективе следует придерживаться принципа «скрывать свои возможности, выигрывая время». Но делать конкретные дела надо «активно и инициативно». Вполне очевидно, что вести инициативную международную политику – это далеко не то же самое, что «не привлекать к себе внимание». В Китае понимают, как развивать положения классиков, не опровергая их в лоб.

Вряд ли есть основания ожидать революционного поворота в китайской внешней политике. Особенностью политического процесса в Китае остается принципиальный отказ от резких шагов. Внешняя политика КНР становится более активной, оставаясь не вызывающей. «Международную ответственность» трактуют в Пекине гибко и прагматично. О ней в Китае говорят громче, когда в случае принятия ее на себя не будет риска ущемить китайские интересы. В иных ситуациях ответственность предпочитают не упоминать.

КНР держит курс на расширение участия в глобальных делах. Но это расширение избирательно, подконтрольно руководителям и, вероятно, еще обратимо. Обладая глобальным спектром внешнеполитических интересов, но ограниченными внешнеполитическими ресурсами, страна концентрирует силы лишь на приоритетных направлениях мировой политики.

Существенной особенностью китайской внешней политики остается постоянный поиск не силовых, но достаточно экономичных и вместе с тем эксклюзивных, не исключающих жесткости, решений, а также упор на индивидуальные отношения с отдельными государствами. Соответственно, немалая часть аналитической работы при подготовке тех или иных дипломатических ходов посвящается рассмотрению существующих в мире противоречий, возможности их использования в интересах страны. Китай крайне редко сам выступает с какими-либо крупными международными инициативами. Обыкновенно эта страна не торопится и с оценками мировых событий, часто занимая выжидательные или нейтральные позиции.

Эволюцию китайской внешней политики в последнее двадцатилетие можно представить в виде трансформаций и меняющихся взаимоотношений. При этом, нужно учитывать существенную разницу в обеспечивающей национальную независимость «статике» внешней политики и ее «динамике», проявляющейся в поддержании процесса социально-экономического развития.

Можно сказать, что во второй половине XX в. произошла огромная эволюция внешнеполитического курса КНР – были выявлены идеологические и концептуальные основы, основным принципом было заявлено невмешательство в военные дела мирового сообщества и отвлечение внимания двух полюсов силы от наращивания экономической и военной мощи Китая.

В условиях постбиполярной системы международных отношений концептуальные и идеологические основы внешней политики Китая работают на расширение связей данного государства с мировым сообществом. Невмешательство в военные конфликты и перераспределение влияния в регионах дает КНР возможность наращивать экономическое могущество на периферии, чтобы в дальнейшем стать настолько важным государством, без участия которого не будут решаться мировые проблемы. Сила и мощь китайцев в тихой экспансии и наращивании экономического и политического влияния.

Глава 2. Анализ основных направлений внешней политики КНР в конце XX - начале XXI вв.

2.1. Внешняя политика Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Центральной Азии

Азиатско-Тихоокеанский регион - относительно новое понятие, появившееся в геополитическом словаре во второй половине XX в. Повышение интереса к АТР сегодня обусловлено возросшей динамикой экономических процессов в этом регионе, появлением в нем новых влиятельных государств, нарастанием военно-политической конкуренции в этой обширной зоне мира и наличием перспектив смещения в нее центров международной финансовой и деловой активности.

Существует три подхода к определению границ АТР - политический, географический и экономический. Для приверженцев первого подхода определение границ региона не является принципиальной задачей, им важна сама идея. Обоснования целостности и состава АТР выдвигаются представителями двух других подходов. С географической точки зрения, АТР – неопределенное понятие, главная трудность заключается в определении его рамок, так как от этого напрямую зависит включение в состав региона ряда стран и субрегионов: Северной и Латинской Америки, России или только ее Дальневосточного региона и т.д. Для большинства ученых термины Тихоокеанский бассейн, Тихоокеанский регион, Тихоокеанское кольцо нередко являются синонимами АТР. В связи с величиной региона в его пределах принято выделять подрайоны или подсистемы. В укрупненном виде это азиатская, североамериканская, южноамериканская, океанская подсистемы. Чаще выделяют страны Восточной Азии, Юго-Восточной Азии, Северной Америки, Южной Америки, Австралии, Океании.

Среди американских ученых нет единого мнения в определении границ региона, и количество стран, включаемых в АТР, колеблется от 15 до 61. Большинство выступает за включение Тихоокеанской Латинской Америки в состав АТР, при этом исключают Монголию и страны Индокитая. Китайские ученые предпочитают говорить или о Северо-Восточной Азии или, если используют термин АТР, то включают в него Южную Азию, Юго-Восточную Азию, Северо-Восточную Азию, Австралию и Новую Зеландию [Торкунов А.В., 2002, с. 671].

Важным является принадлежность к АТР нескольких держав, определяющих не только региональный, но и мировой баланс сил - США, России, Японии, Китая. Добавим к этому ряд государств, стремительно набирающих экономический, политический и военный вес (например, Республика Корея, страны АСЕАН), интересы которых теперь приходится учитывать в региональном балансе сил. Также веса региону прибавляет то, что на территории региона проживает 54% населения планеты и производится порядка 57% общемирового валового продукта. Для стран региона характерны наиболее высокие темпы экономического роста. Также стоит учитывать, что характерной особенностью восточноазиатского сектора АТР является то, что здесь сосредоточен колоссальный ракетно-ядерный потенциал (США, Россия, Китай), а Япония обладает научными и технологическими возможностями по созданию ядерного оружия и средств его доставки. При этом ракетно-ядерные потенциалы США и России ограничиваются соответствующими российско-американскими договоренностями по стратегическим наступательным вооружениям и ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Китай же не связан никакими обязательствами в области контроля, и теоретически его ядерный потенциал может не только достичь нынешнего российско-американского уровня, но и превзойти его [Примаков Е. М., 1996, с. 540].

В нашей работе имеется в виду регион, состоящий из Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии, как наиболее вовлеченных в

субрегиональные политические процессы, Австралии, Океании, как участвующих в региональной интеграции на уровне АТЭС.

В Северо-Восточную Азию входят Япония, КНДР, Республика Корея, Китай, Тайвань и Монголия, а в Юго-Восточную Азию - Малайзия, Сингапур, Филиппины, Индонезия, Таиланд, Бруней, Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Бирма [Салицкий А.И., 2003, с. 97].

Также следует определить границы и территорию Центральной Азии, чтобы было ясно, какие именно государства участвуют во внешней политике КНР. Геополитический регион Центральной Азии представляет собой обширную территорию, расположенную в центральной части Евразии, не имеющей прямого выхода на мировой океан. Несмотря на отсутствие точных определений границ, согласно общепринятому представлению, данный регион состоит из современных государств Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана, Кыргызстана и Казахстана.

Рассмотрим межгосударственные отношения Китая и Японии. Китайско-японские отношения - яркий пример того, что тесное экономическое сотрудничество не является гарантией преодоления разногласий. За последние двадцать пять лет правительства обеих стран проделали большую плодотворную работу по установлению прочных экономических связей. Это дало свои результаты. В невиданном подъеме экономики Китая финансовые вложения Японии сыграли далеко не последнюю роль, но при этом политическая ситуация почти всегда оставалась напряженной, систематически возникали конфликты и столкновения по самым различным, иногда совсем не значительным поводам. Но благодаря выработанной двумя странами концепции «отделение политики от экономики» эти противоречия почти всегда удавалось погасить, не нанося ущерба экономическому сотрудничеству. Очевидно, китайско-японские отношения будут играть важную роль в развитии и интеграции АТР.

Вслед за налаживаем отношения с Индией, Китай стремился нормализовать отношения с Вьетнамом. Отношения были осложнены из-за китайско-вьетнамского конфликта, а также из-за разногласий по поводу принадлежности Парасельских островов и островов Спратли. В 1991 г. произошла, как оценивали обе стороны, “плохая нормализация” отношений между сторонами. В конце сентября 2000 года состоялся визит в Китай премьер-министра Вьетнама Фан Ван Кхоя. В ходе этого визита Председатель КНР Цзян Цзэминь заявил, что обе страны имеют совпадающие взгляды и позиции по поводу строительства социализма, отвечающего национальным реалиям [Салиев А.Л., 2011, с. 122].

Добрососедство и партнерство - курс Китая в отношениях с сопредельными странами. В конце 80-х начале 90-х гг. Китай в результате серьезных изменений внутри страны и на мировой арене начал проводить более открытую и взвешенную внешнюю политику по отношению к соседним странам, выступал за предотвращение возникновения новых конфликтов и разрешение существующих политическими средствами, а также избег непосредственной вовлеченности в конфликтные ситуации. Главной целью китайского руководства стало обеспечение стабильности как самой стране, так и на границах в частности. Поэтому Китай был крайне заинтересован в улучшении отношений с Индией.

Исходя из этого Китай и Индия заключили два Соглашения от 1993 и 1996 гг. Эти два документа функционировали больше как меры по избеганию конфликта, чем как меры по созданию доверия. Соглашения, тем не менее, формировали политическую и правовую основу для дальнейших переговоров по пограничному вопросу и развитию двусторонних межгосударственных отношений, вносили определенный положительный вклад в поддержание мира и стабильности в южной Азии [Яскина Г. С., 2003, с. 556].

Ключевым моментом в отношении КНР и Индии стало подписанная в 2003 г. “Декларация КНР и Индии о принципах отношений и всестороннем сотрудничестве”. Стоит отметить, что у Китая отношения с соседями

являются лучшими, чем у них друг с другом. Примером этого является Индия и Пакистан [Селищев А.С., Селищев Н.А., 2004, с. 27].

Китай – Кыргызстан. КНР является во многом уникальным и необычным внешнеполитическим партнером Кыргызской Республики. Это единственное государство дальнего зарубежья, с которым Кыргызстан имеет физическую границу. Равноправное сотрудничество между Кыргызской Республикой и КНР на основе самостоятельно вырабатываемых внешнеполитических приоритетов началось в 1991 году. В настоящее время наши государства активно развивают двусторонние отношения в политической, торгово-экономической, культурно-гуманитарной и иных сферах.

Правительство Китайской Народной Республики 27 декабря 1991 г. признало независимость Кыргызстана, а 5 января 1992 г. между двумя государствами были установлены дипломатические отношения.

Китай одним из первых, в мае 1992 г., официально открыл свое посольство в Бишкеке. Во время визита министра иностранных дел Кыргызстана в Китай 31 августа 1993 г., в Пекине состоялось открытие посольства Кыргызстана, приуроченное ко второй годовщине независимости нашего государства.

Оправданность взаимного интереса в развитии дипломатических отношений между Кыргызстаном и Китаем обусловлена рядом факторов.

Как отмечено выше, Китайская Народная Республика и Кыргызстан являются государствами-соседями, имеющими протяженную совместную границу в 1071,8 км. Исторически и географически территория Кыргызстана и западной части КНР (СУАР) входят в единый политико-культурный регион, представленный родственными народами, имеющими сходную веру и родственные языки. Эта близость делает естественным развитие политических и торгово-экономических отношений. Еще более важным представляется то, что в изменившейся конфигурации мира и новых условиях сотрудничества государств этот регион остался не только местом

пересечения границ исламской, христианской и конфуцианской религий, культурным, коммуникационным и транспортным мостом между Востоком и Западом. Он также является регионом, где усилились и активно проявляются новые вызовы современности, имеющие трансграничный характер: религиозный экстремизм, этнический сепаратизм и международный терроризм, организованная преступность и наркотрафик [Титаренко М.Л. Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество в контексте глобализации и интеграционных процессов в АТР // Выступление на XI международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир». Режим доступа: http://russiancouncil.ru/common/upload/RIAC_WP_20_Russia-China.pdf (дата обращения: 20.05.2016)].

Необходимость взаимодействия Китая и Кыргызстана по целому ряду направлений, включая обеспечение региональной безопасности и стабильности, отвечает реалиям современного этапа международных отношений.

Подобный подход и особая роль в этом Китая как партнера Кыргызской Республики лежат в основе внешней политики нашего молодого суверенного государства. Это обстоятельство неоднократно подчеркивалось главой Кыргызстана А. Акаевым в ходе его официальных выступлений.

Оба государства, существенно различаясь по территории, численности населения, экономическому и военному потенциалам настроены на создание взаимовыгодного формата двусторонних отношений. В совместном кыргызско - китайском Коммюнике от 16 мая 1992 г. отмечено, что Кыргызстан и Китай рассматривают друг друга как дружественные государства и намерены развивать взаимоотношения на основе универсальных принципов межгосударственных отношений. Там же отмечено, что стороны будут решать все вопросы между двумя государствами в форме мирных переговоров, в духе добрососедства и дружбы, отказываясь от применения силы [Ван Цисы, 2003, с. 54].

Сотрудничество в сфере безопасности между двумя государствами эффективно развивается на двустороннем и многостороннем уровнях – в рамках Организации Объединенных Наций, Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии, Шанхайской Организации Сотрудничества.

Не менее важно и единство позиций Кыргызстана и КНР в отношении проблемы Тайваня. В Коммюнике 1992 г. Кыргызстан отмечает, что правительство КНР является единственным законным Правительством Китая и Тайвань является неотъемлемой частью территории Китая. Правительство Кыргызстана подтвердило, что не будет устанавливать с Тайванем официальных отношений [Хоу Вэньчжу, 2002, с. 111].

Важнейшей составной частью политического сотрудничества между КНР и Кыргызстаном в 90-е гг. явилось урегулирование вопросов прохождения линии государственной границы. Кыргызстану, в наследство от царской России и Советского Союза досталось несколько участков совместной границы, где линия ее прохождения оставалась несогласованной. Успешное решение этого вопроса было направлено на улучшение межгосударственного сотрудничества между Кыргызстаном и Китаем в военной и политической областях.

Правовой основой переговоров в этой сфере еще во времена СССР послужили договоры и протоколы о линиях разграничения пределов между Российской империей и Китаем от 1860, 1864, 1882 и 1884 г. [Сюй Чжимин, 2002, № 6, с. 29-35].

Плохое знание топографических особенностей и реального положения на местности, упрощенное описание границ привели к возникновению разночтений в определении отдельных участков. Сложилось два уровня границ: один - формальный, другой - реально охраняемый, но не совпадающий с первым. Переговоры между СССР и КНР по пограничному урегулированию проводились с 1964 по 1991 г.

После распада СССР для решения этих вопросов в 1992 году была образована специальная комиссия в формате «Совместная делегация КНР»,

определившая на основе топографических карт линию государственной границы между двумя странами. После этого ею были проведены демаркационные работы и установлены пограничные знаки в согласованных участках. Спорными между Кыргызстаном и КНР были пять пограничных участков площадью более 34 тыс. кв. км. Большая часть из них находилась в труднодоступных районах, имевших стратегическое значение.

В ходе переговоров с 1992 по 1996 гг. между делегациями Кыргызстана и КНР была достигнута договоренность по прохождению линии границы на четырех участках из пяти. Оставшийся спорным участок Узенги-Кууш вошел в соглашение по границам между КНР и Кыргызстаном от 4 июля 1996 года как сохраняющий особый статус, по которому необходимо было продолжить переговоры.

Китай – Казахстан. Казахстан уже в начале 1990-х годов стал основным Центрально-азиатским партнером Китая. С обретением независимости перед дипломатией Казахстана встала серьезная задача выстраивания новых отношений с такой крупной и во многом уникальной державой, как Китай. Речь шла именно о новом формате взаимоотношений, поскольку впервые в истории оба государства вступили в равноправные межгосударственные отношения. В наследство им достались известные годы конфронтации между Советским Союзом и Китаем. Достаточно вспомнить, что после вооруженных конфликтов на острове Даманский и у озера Жаланашколь СССР и Китай вплотную подошли к грани масштабной войны с применением ядерного оружия.

Официально конфронтация между соседними державами завершилась во время визита М. Горбачева в Пекин в мае 1989 года. Тогда китайский руководитель Дэн Сяопин произнес ставшую крылатой фразу: «Давайте покончим с прошлым и обратим взоры в будущее» [Ван Лисинь, 2002, № 2, с.49].

Внешняя политика Казахстана с самого начала сотрудничества строилась на необходимости строительства стабильных, добрососедских

отношений с Китаем как надежной гарантии безопасности молодого государства. Конфронтационность и взаимная подозрительность шли бы вразрез со стратегическими интересами Казахстана, которому предстояло решать такие сложные задачи, как вхождение в мировое сообщество цивилизованных государств и проведение структурных преобразований в экономике.

В свою очередь, китайское руководство, также проявило готовность к началу полномасштабного диалога с Казахстаном по всем аспектам взаимоотношений между двумя странами. В Китае принимали в расчет важное геостратегическое положение Казахстана как связующего звена с другими государствами Центральной Азии и бастиона на пути распространения экстремизма и религиозного радикализма. Показателен в этом отношении вывод китайских политологов о том, что в Казахстане «сохраняется настороженность к пантюркизму и фундаментализму, строго ограничивается сфера их влияния, особенно исламского фундаментализма» [Цзи Чжие, 2003, №12, с.112].

Практический интерес к Казахстану не ограничивался политическими рамками. В Пекине должным образом оценивали и экономический потенциал Казахстана с точки зрения перспектив развития разностороннего сотрудничества.

В январе 1992 года Казахстан и Китай приступили к конкретным дипломатическим действиям с целью создания правовой базы двусторонних отношений. В феврале 1992 года КНР с официальным визитом посетил Премьер-министр С.Терещенко. По результатам переговоров в Пекине был подписан ряд документов, из которых можно выделить следующие:

- Соглашение о создании межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству;
- Соглашение о взаимных поездках граждан, предусматривавшее безвизовый режим для владельцев всех видов паспортов, направляющихся в

поездки по служебным делам. (Позднее безвизовый режим взаимных поездок был сохранен только для владельцев дипломатических и служебных паспортов);

– Соглашение об открытии пунктов пропуска через государственную границу (международный статус предоставлялся пунктам пропуска Хоргос (Казахстан) - Хоргос (КНР), «Дружба» (Казахстан) – «Алашанькоу» (КНР), «Бахты» (Казахстан) – «Покиту» (КНР).

В 1992 году состоялся обмен визитами министров иностранных дел. Итогом соответствующих переговоров явилось подписание в августе Соглашения о поощрении и взаимной защите инвестиций (вступило в силу после ратификации 18 августа 1994 г.). Стороны договорились об условиях, принципах, режиме взаимных инвестиций и порядке разрешения возникающих споров ["Экономика Китая вступает в XXI век". Режим доступа: <http://www.ifes-ras.ru/old/structura/mixeev/Publications.html> Дата обращения: 01.06.2016].

Начался процесс поиска перспективных сфер сотрудничества. К активной работе приступили приграничные районы, тем более в Китае им были предоставлены очень большие права во внешнеэкономической деятельности. Стал более интенсивно развиваться и обмен делегациями. Диалог на высшем уровне продолжился в октябре 1993 года, когда состоялся визит Президента Республики Казахстан в КНР. В ходе визита Н.Назарбаевым и Цзян Цзэмином был подписан первый официальный документ, определяющий принципы взаимоотношений двух государств - Совместная Декларация об основах дружественных взаимоотношений между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой.

Стороны подтвердили, что все спорные вопросы будут решаться мирными средствами, без обращения к силе или угрозе силой в какой-либо форме, не будут предприниматься какие-либо действия, могущие создать угрозу безопасности другой стороны. Каждая из сторон отказывалась от участия в каком-либо военно-политическом союзе, направленном против

другой стороны, от заключения с третьей страной какого-либо договора или соглашения, ущемляющего интересы государственного суверенитета и национальной безопасности другой стороны. В Декларации отмечалось, что Казахстан и Китай придают особое значение развитию торгово-экономического сотрудничества.

Принципиальное значение имело подтверждение договоренностей, достигнутых на советско-китайских переговорах по пограничным вопросам. Было решено продолжить обсуждение нерешенных вопросов на основе советско-российско-китайских договоров о существующей границе между двумя странами, в соответствии с общепринятыми нормами международного права с тем, чтобы найти взаимоприемлемые, справедливые и рациональные решения. Н.Назарбаев предложил уже в 1994 году подписать двустороннее соглашение о юридическом описании границы, оставив для последующих переговоров два несогласованных участка, что позднее и было сделано.

В результате переговоров, состоявшихся в Алматы, Н.Назарбаев и Ли Пэн подписали ряд межправительственных документов, в том числе Соглашение между РК и КНР о казахстанско-китайской государственной границе. Этот документ определил прохождение линии границы на всем ее протяжении, за исключением двух участков - в районе реки Сары-Чельды и местности Чаган-обо общей площадью около 900 кв.км. Тем самым возможность возникновения конфликтов на почве взаимных территориальных претензий была сведена к минимуму. Стороны договорились продолжать переговоры для разрешения вопросов о прохождении линии государственной границы на несогласованных участках согласно общепринятым нормам международного права, в духе равноправных консультаций, взаимного понимания и взаимной уступчивости [Цыгаков П.А., 2002, с. 214].

На таком политическом фоне состоялась очередная казахстанско-китайская встреча в верхах. Переговоры в Пекине в сентябре 1995 года продемонстрировали полное совпадение позиций в отношении всех

вопросов, касающихся перспектив двустороннего сотрудничества. Пекин был проинформирован о неизменности и последовательности позиции Казахстана по таким проблемам, как Тайвань, а также национальный сепаратизм. Н.Назарбаев заявил, что в Казахстане придают очень большое значение добрососедским взаимоотношениям с Китаем.

В порядке ответного сигнала о готовности укреплять двустороннее сотрудничество китайское руководство подтвердило свое намерение не вмешиваться во внутренние дела Казахстана, не совершать каких-либо действий, наносящих ущерб безопасности и суверенитету нашего государства, предпринимать активные действия для наращивания торгово-экономического сотрудничества. Все эти важные положения нашли должное отражение в Совместной Декларации.

Цзян Цзэминь подтвердил заявление китайского правительства о гарантиях безопасности Казахстану, выразил поддержку всем усилиям, предпринимаемым Республикой Казахстан для защиты государственной независимости и суверенитета, территориальной целостности, сохранения политической стабильности и развития национальной экономики [Цзян Цзэминь, 2003, № 4, с.98].

Подтекст высказываний китайского руководителя был очевиден: Китай после пятнадцати лет реформ окреп, преобразился и занимает теперь особое положение в современном мире. Председатель во время переговоров с Н. Назарбаевым сослался на учения, проведенные китайской армией в Тайваньском проливе. Из его слов вытекало, что эта масштабная военная акция предотвратила дальнейшее нагнетание напряженности и даже войну с островом, так как охладила пыл политиков, ратовавших за провозглашение независимости Тайваня. Китайский руководитель в то же время подчеркнул, что Пекин рассматривает Казахстан как равноправного и перспективного партнера.

Подтверждением обоюдной заинтересованности в развитии сотрудничества стал интенсивный обмен на высшем уровне. Визиты Цзян

Цзэминя (июль 1996 г.) и Ли Пэна (сентябрь 1997 г.) в Казахстан, ответные визиты Н.Назарбаева (февраль 1997 г.) и Н.Балгимбаева (май 1997 г.) в Пекин, затем повторный визит Цзян Цзэминя в Алматы (сентябрь 1997 г.) позволили в значительной степени углубить взаимопонимание и продвинуть двусторонние отношения к новым рубежам [Уткин А., 2002, с. 89].

24 сентября 1997 года было подписано Дополнительное Соглашение между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой о казахстанско-китайской государственной границе, завершившее процесс ее окончательной делимитации. Соглашение имеет огромное значение не только для будущего двусторонних отношений, но и для обеспечения национальной безопасности Казахстана. Впервые в своей довольно непростой истории взаимоотношений Казахстан и Китай на исходе XX столетия сумели решить территориальную проблему в точном соответствии с русско-китайскими договорами, в духе взаимного компромисса. Все, что должно было принадлежать Казахстану (53 % оспаривавшихся территорий), было оформлено в соответствии с международным правом.

В июле 2000 года Казахстан с официальным визитом посетил заместитель Председателя Китая Ху Цзинтао, которого ныне стал преемником Цзян Цзэминя. Состоявшиеся переговоры продемонстрировали устойчивость стратегии и тактики сотрудничества двух стран. Однако, нельзя думать, что сотрудничество Китая и Казахстана абсолютно без проблемно, такое невозможно в принципе. Так в ходе визита президента Назарбаева в 1993 году поднимался вопрос о ядерных взрывах в Лобноре, отмечалось, что продолжающиеся испытания не могут не вызывать озабоченность со стороны Казахстана, было предложено создать совместную группу экспертов для изучения проблем Лобнорского и Семипалатинского полигонов. Ряд острых проблем встает перед двумя государствами по проблемам трансграничных рек.

Деликатная тема в двусторонних отношениях – положение этнических казахов, проживающих в Китае. Как известно, в КНР насчитывается около

1,5 млн. казахов. Руководство Казахстана не ставит перед собой цели добиваться их массового переселения. В этом нет ни политической, ни практической необходимости. Речь идет об обеспечении и соблюдении их прав, сохранении языка, культуры. Что касается желания казахов вернуться на историческую родину, то это должно рассматриваться через призму уважения законов обеих стран. В таком ракурсе рассматривались эти проблемы в ходе переговоров на высшем уровне. Итогом неоднократных обращений Н.Назарбаева по этому вопросу стала позиция Пекина: китайское правительство не будет препятствовать тем, кто хотел бы по своей воле вернуться в Казахстан. Однако, готовность к поиску конструктивных решений, к взаимовыгодным компромиссам отличает дипломатические отношения Китая и Казахстана.

Центрально-азиатская интеграция может получить импульс к развитию не только под давлением жесткой необходимости и «вынужденности», но и ввиду некоторых объективных благоприятных обстоятельств: самообеспеченность стран Центральной Азии на общерегиональном уровне основными видами энергоресурсов, минерального и сельскохозяйственного сырья; наличие небезнадежного для модернизации производственного, экспортного и научно-технического потенциала; выгодное геополитическое и геоэкономическое положение; наличие обученной, но при этом недорогой рабочей силы; заинтересованность национального крупного бизнеса в интеграционных процессах как на региональном, так и на международном уровне.

Можно сделать выводы, что Китайская Народная Республика является одним из важнейших и приоритетных государств в АТР и Центральной Азии. Как лидер региона, Китай навязывает свою политику граничащим государствам вроде Казахстана, Кыргызстана и Индии, при этом поддерживая разностороннее экономическое сотрудничество с ними. В Центральной Азии потенциальной существует столкновение интересов

России и КНР за передел влияния, что является предпосылкой для ухудшения межгосударственных отношений.

2.2. США во внешней политике КНР: проблемы и перспективы сотрудничества

Во внешней политике современного Китая выстраивается новая модель отношений с мировым сообществом. КНР в настоящее время стремится к достижению статуса сверхдержавы регионального и глобального масштабов. Китайская внешнеполитическая стратегия, не обремененная жесткими союзническими связями, носит целеустремленный и в то же время гибкий характер, подкрепляясь стабильными темпами наращивания и модернизации экономической и военной мощи страны. Однако, несмотря на довольно четкую и последовательную политику КНР в отношениях с мировыми державами, авторами книги предлагается подробное рассмотрение особенностей претворения в жизнь данной политики в различных регионах мира. Новизна такого подхода состоит также в том, что, помимо анализа практического применения внешнеполитической стратегии Китая в ряде ключевых стран и регионов, в разделе, посвященном этой проблематике, приводится рассмотрение стратегических целей КНР и геополитики страны, что напрямую обуславливает содержание внешнеполитического курса Пекина.

На основе пяти принципов мирного сосуществования Китай расширяет сферы общих интересов с крупными державами и целесообразно преодолевает разногласия.

С началом проведения в Китае политики реформ и открытости в 1978 году, его внешняя политика была всецело ориентирована на Запад, в основном на США. Со времени установления в 1979 году китайско-американские дипломатические отношения претерпевали ряд трудностей. В ходе «холодной войны», которая длилась 40 лет, Китай и США перешли от

враждебности к нормализации связей. Одной из проблем, осложняющей китайско-американские отношения, является нерешенная проблема Тайваня. США на протяжении длительного времени поставляет вооружение Тайваню, что вызывает обеспокоенность Китая [Сюй Жуйвэнь, 1997, с. 47].

Благоприятно для КНР складывалась и политическая конъюнктура – в Соединенных Штатах к власти пришла демократическая администрация, заинтересованная в восстановлении партнерских связей с ведущими мировыми державами, подорванных в годы правления республиканцев. Кроме этого, США, занятые ведением двух региональных войн, могли позволить отвлечение лишь ограниченных ресурсов на укрепление своих позиций в других регионах мира, включая Азиатско-Тихоокеанский.

Решение администрации Б. Обамы перенести акцент военных усилий Америки на Афганистан, а дипломатических – на Иран обусловило, по оценкам ведущих китайских аналитиков, заинтересованность США в Китае как политической силе, способной содействовать стабилизации ситуации в обоих конфликтах [Интеграция и вовлечение как инструменты глобального управления. Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/seventh/002.htm> (дата обращения: 01.06.2016)].

Важной новой чертой мировой ситуации, по мнению китайских исследователей, стал российско-грузинский вооруженный конфликт 2008 года. С одной стороны, он способствовал отвлечению внимания мирового сообщества от действий КНР, а с другой – показал избирательность США в вопросах вмешательства или невмешательства в конфликты, неприоритетные с точки зрения американских интересов. «С военной точки зрения, эффективность механизмов устрашения во внешней политике США снизилась – доказательством этому стал российско-грузинский конфликт – впервые со времени «холодной войны» незападное государство решилось осуществить боевые действия против соседней страны и занять ее территорию, при этом избежав военных или экономических санкций... Отсутствие прямого вмешательства США в российско-грузинский конфликт

демонстрирует пределы готовности США использовать свои вооруженные силы за рубежом и применить силу против ядерного государства» – вот каким образом воспринималась ситуация китайскими специалистами-международниками [Цзя Цинго, 2004, № 11, с. 301].

Заключение о том, что военное вмешательство США не является автоматическим во всех региональных конфликтах, ущемляющих хотя бы в малой степени американские амбиции, было для КНР очень важным. Оно впервые за много лет давало дополнительный материал для прогнозирования вероятности вовлечения американских вооруженных сил в случае эскалации конфликта КНР с Тайванем. Успокоению Китая способствовали и сдвиги в самой тайваньской ситуации: в 2008 г. на выборах президента на Тайване потерпел поражение сепаратистски настроенный президент Чэнь Шуйбянь, а его место занял намного более умеренный представитель Гоминьдана Ма Инцзю. Китай получил существенные сравнительные преимущества для реализации своих внешнеполитических интересов в целом [К взаимному постижению Китая и России через постижение православия и конфуцианства. Режим доступа: http://old.pravostok.ru/ru/conference/ch_fareast/conf_3/?id=20 (дата обращения: 17.04.2016)].

В соответствии с Уставом ООН и общепринятыми нормами международного права - территориальная безопасность относится к ряду суверенитета государства и является абсолютным внутренним делом страны, вмешательство других стран в это категорически недопустимо. Тайвань - неотъемлемая часть территории Китая, поэтому тайваньский вопрос относится к сугубо внутреннему делу Китая, недопустимо вмешательство других стран в этот вопрос. Несмотря на политические сложности Китай и США заинтересованы в развитии торгово-экономических связей, что идет на пользу народам обеих стран и способствует стабильному развитию двусторонних отношений. В 1999 году торговый оборот между странами составил 61,5 млрд. долларов США. Развитие китайско-американских

отношений на протяжении почти 30-ти лет позволяет сделать некоторые выводы:

Во-первых, перелом в отношениях объясняется в основном политической независимостью Китая, его бурным экономическим развитием, повышением статуса на международной арене и укреплением стратегической роли в отношениях между странами.

Во-вторых, мышление «холодной войны» о том, что идеология определяет размежевание политических сил, ведет лишь к противоречию и даже конфликту. Между обеими странами имеются общие интересы. Двустороннее дружественное сотрудничество и совместное развитие не только создают блага для народов Китая и США, но и благоприятствуют стабильности, миру и расцвету в АТР и на планете.

В-третьих, от урегулирования тайваньского вопроса в соответствии с тремя коммюнике непосредственно зависят стабильность, улучшение и развитие китайско-американских отношений в новом столетии.

В-четвертых, необходимо устранять разногласия в духе взаимного уважения, равного согласования и стремления к общему, несмотря на существующие различия.

Визит председателя КНР Си Цзиньпина в США в сентябре 2015 года был примечателен тем, что китайский руководитель с трибуны Генеральной ассамблеи ООН объявил о так называемой «новой» внешней политике Китая, отражающей, по его словам, «политику крупного государства с китайской спецификой». Одновременно прозвучало и предложение главам государств и правительств перейти к международным отношениям «нового типа», «в основании которых должны находиться сотрудничество и взаимный выигрыш». В Пекине особо подчеркнули, что «именно Китай первым из государств мира выступил с подобным предложением». «Новизна» же здесь заключается, главным образом, в акцентах, которые китайская сторона предлагает расставлять в осуществлении внешнеполитической деятельности и некоторых предложенных инициативах Пекина.

Так, КНР, согласно «новой политике», твердо берет ориентир на выстраивание с другими государствами партнерских отношений на основе равенства и взаимного уважения, исходя из понимания того, что «только совместное развитие является истинным развитием». Принцип суверенитета, в трактовке Си Цзиньпина, должен не только исключать агрессию и вмешательство во внутренние дела другого государства, но и «поддерживать право любого государства самостоятельно выбирать свой общественный строй, а его практика социально-экономического развития должна пользоваться уважительным отношением со стороны внешних партнеров» [Ши Ипъхунь, 2004, № 3., с.58].

Китай подтверждает свою решительную поддержку многополярности и отвергает «однополюсность» в структуре глобальных отношений, ориентируясь при этом в своих связях с партнерами на так называемый «выигрыш», причем выигрыш, в трактовке китайцев, может быть «двусторонним, многосторонним и общим». Идея Пекина заключается в том, чтобы в итоге выстроить некие «глобальные партнерские отношения», в которых межгосударственные консультации должны стать «важным способом управления современными международными делами». На этой основе Пекин призывает к гармоничному «соразвитию и взаимообогащению разных цивилизаций, в отношениях между которыми должен быть диалог, а не бойкот, обмен ценностями, а не их подмена» [Бунин В.П., 2000, с.199].

Немаловажными являются предложения Китая и в области безопасности. Их суть заключается в участии всех стран в формировании безопасной внешней среды, отвечающей интересам их благополучия и устойчивого развития. Си Цзиньпин заявил, что в условиях экономической глобализации вопросы безопасности всех государств тесно взаимосвязаны и взаимозависимы, и «сегодня не существует страны, которая могла бы в одиночку обеспечить свою полную безопасность или гарантировать собственную стабильность за счет нестабильности другого государства».

Развивая эту мысль, китайский лидер сделал упор на необходимость последовательного повышения роли ООН и Совета Безопасности в вопросах обеспечения мира, для чего предложил, наряду с усилением политико-дипломатического направления в деятельности организации, укрепить ее силовую компоненту. В связи с этим, Си Цзиньпин объявил о решении Китая на десятилетний период учредить так называемый «фонд мира и развития Китай – ООН», выделив на нужды Организации Объединенных Наций один миллиард долларов. Кроме этого, Китай решил присоединиться к «новому механизму сил ООН по защите мира» и создать специальное воинское формирование в количестве 8 тысяч человек, которое при необходимости может быть использовано в миротворческих целях по линии ООН [Цзинь Ланьжуи, 2004, № 3, с.201].

В дополнение к этому, Китай в течение пяти лет выделит Организации африканских государств 100 млн долларов в качестве поддержки регулярных войск африканских государств и сил быстрого реагирования для их применения в кризисных ситуациях. Столь пристальный интерес Пекина к африканскому континенту, видимо, не в последнюю очередь объясняется стремлением обезопасить рынки, трудовые ресурсы и капиталы, особенно с учетом планируемого их существенного увеличения в африканских государствах [Юй Шумаиь, 2004, с.12].

В этой связи, на наш взгляд, являлись бы желательными пояснения китайской стороны относительно ее прежних заявлений, сделанных в Шанхае на Совещании по взаимодействию и мерам доверия в Азии в мае 2014 года. Там, в частности, говорилось о том, что «азиатские дела, и проблемы безопасность должны решаться азиатами». Видимо, следует понимать, что данный подход получил в Нью-Йорке новое развитие, допускающее как активное участие Китая во внерегиональных делах, так и участие других государств в решении азиатских проблем, включая тему безопасности. Вероятность такого предположения косвенно подтверждают

итоги состоявшихся в США сентябрьских китайско-американских переговоров.

В ходе мероприятий в рамках сессии генассамблеи Си Цзиньпин также объявили о некоторых других инициативах. В частности, о создании «фонда поддержки Юг-Юг», об увеличении инвестиций в наименее развитые страны, об освобождении слабо развитых стран от уплаты оставшегося до конца 2015 года долга по беспроцентным кредитам Китая.

Оригинальной представляется декларация о стремлении к таким общим «перспективам развития, которые содержат открытость, инновации и гуманистические отношения». Китайский лидер констатировал, что «с помощью рынка, лишённого морали, трудно добиться процветания в мировом развитии». И с этим трудно не согласиться. По его образному выражению, необходимо «грамотно использовать видимую руку и невидимую руку», добиваться эффективного сочетания деятельности рынка и правительства. Иными словами, государственные структуры должны в необходимых случаях обеспечивать стабильность в обществе и справедливость в вопросах распределения, регулируя и сдерживая рынок [Вэй Цзуилэй, 2004, № 9, с. 7].

Следует сказать, что такой подход пока приносит Китаю желаемый результат, позволяя в целом удачно продвигать свои экономические интересы, в том числе в кризисные периоды. Однако все же нельзя исключать, что у внешних наблюдателей может возникнуть вопрос о реальности упомянутого Си Цзиньпином «сочетания морали и рынка» в международной «рыночной игре», где речь идет о больших деньгах и «выигрыше». Как правило, в такой обстановке «мораль отдыхает». И все-таки в любом случае нельзя не признать, что высказанные оценки, инициативы и упомянутая декларация выглядят как удачный ход Пекина с позиций «мягкой силы» [Гао Кэ, 2015, с. 44].

В целом, китайские эксперты рассматривают содержательную часть выступления и сделанные Си Цзиньпином предложения на 70-й сессии

генассамблеи ООН как «обновление взглядов Китая на международный порядок, привнесение новых идей и перспектив в развитие современных международных отношений» [Ван Цисы, 2015, № 1, с. 2].

Как известно, участие Си Цзиньпина в работе сессии Генеральной ассамблеи ООН совпало с его государственным визитом в США. По словам китайского министра иностранных дел Ван И, прошедшие в ходе госвизита переговоры Си Цзиньпина с Б. Обамой «подняли на новую высоту отношения нового типа между Соединенными Штатами и Китаем как крупными государствами». А по признанию американского президента, «в XXI веке американо-китайское сотрудничество оказывает самое сильное влияние на ход мирового развития».

Вечером 22 сентября 2015 года, т.е. в день прибытия Си Цзиньпина в США, состоялась так называемая «встреча без галстуков» в узком формате, которую Си Цзиньпин назвал «осенней беседой в Белом доме». На ней оба лидера подтвердили курс на углубление стратегических контактов между странами. На следующий день после девятичасового общения китайский и американский руководители согласились «правильно учитывать стратегические планы сторон, непрерывно наращивать взаимное стратегическое доверие, не допускать стратегических ошибок в понимании и действиях». Возможно, поддержка Пекином (уже после визита Си в США) руководимого из Вашингтона Транс-Тихоокеанского партнерства также явилась результатом одной из договоренностей, достигнутых в ходе сентябрьского саммита [«Новая» внешняя политика Китая. Режим доступа: <http://riss.ru/analytics/21081/> (дата обращения: 07.05.2016)].

Стороны обсудили вопросы «активного взаимодействия в Азиатско-Тихоокеанском регионе и согласились развивать сотрудничество в Африке», а также согласовывать планы по ядерным программам Ирана и Северной Кореи. Была достигнута договоренность относительно ускоренной подготовки двустороннего соглашения по инвестициям, расширению сотрудничества в области источников энергии, науки и техники, авиации,

инфраструктурного строительства, сельского хозяйства и здравоохранения. Особо обсуждалась тема поощрения инновационного сотрудничества между регионами и предприятиями, которые должны «непрерывно увеличивать «пирог совместного выигрыша». На этих переговорах Китай и США решили учредить «двусторонний механизм регулярного диалога по экономическим вопросам», а также приняли совместное заявление по вопросам противодействия изменению климата. Последнему документу китайская сторона уделила особое внимание в своих комментариях.

В целом, по словам Си Цзиньпина, двусторонние отношения будут и дальше наполняться конкретикой по пяти основным направлениям: регулярные обмены на высоком уровне; деловое сотрудничество; тесные гуманитарные связи; углубление диалога и взаимодействие в Азиатско-Тихоокеанском регионе; совместное реагирование на глобальные и региональные вызовы [Ши Ипхунь, 2004, № 3, с. 31].

Что касается весьма болезненных для китайско-американских отношений вопросов кибербезопасности и ситуации в Южно-Китайском море, то, как отметил Ван И, по ним стороны пришли к согласию решать проблемы, «взявшись за руки» и «превращая точки расхождения в точки сотрудничества».

В то же время вызывает некоторое удивление, что в выступлении председателя Си Цзиньпина отсутствует оценка острой ситуации на Ближнем Востоке, той опасности, которую несет экспансия ИГИЛ, а также тех внешних сил, по сути, способствующих разрастанию военного пожара в регионе. Между тем, исламские экстремисты уже открыто предъявляют территориальные претензии в китайском Синьцзяне, где не затухает террористическая активность сепаратистов. К тому же, не исключено, что ИГИЛ способно инициировать активность террористических групп и в других районах Китая.

Поэтому сегодня, как никогда, совершенно очевидна необходимость активного подключения всех государств к международной

«антитеррористической коалиции» в целях формирования «равной и неделимой безопасности не для избранных, а для всех».

Наиболее распространенная в китайском обществоведении точка зрения состоит в том, что в мировой политике наметилась тенденция к усилению многополюсности современного мира в условиях глобализации. Другим важным аспектом, способствовавшим модернизации внешнеполитического курса КНР, стала идея комплексной государственной мощи. Ее суть в том, что в современных условиях сила государства и его влияние на международной арене определяются не только величиной военного потенциала, но и уровнем экономического, социально-культурного и научно-технического развития, а также взвешенным внешнеполитическим курсом.

Изменение роли и места Китая в современном мире состоит в том, что в отличие от некоторых стран, которые стремятся добиваться своих интересов путем угрозы или прямого применения военной силы, КНР оказывает влияние на систему международных отношений исключительно мирным путем, без внешней агрессии. Изменение места и роли КНР в мире напрямую связывается с ростом совокупной мощи страны. Китай символизирует собой одно из восточных государств (или развивающееся, маргинальное государство, находившееся вне "основного течения"), которое наряду с Индией поднимается на ведущее место в современной мировой системе, где доминирует Запад.

2016 год является ключевым периодом для обобщения и развития отношений между двумя странами. Первая встреча их лидеров сигнализировала о дальнейшем продвижении двусторонних связей. Си Цзиньпин подтвердил, что общие интересы Пекина и Вашингтона превалируют над разногласиями, а в двустороннем сотрудничестве может быть достигнуто много важных сдвигов, которые пойдут на пользу как двум странам, так и всему миру. Б. Обама выразил надежду на установление тесного взаимодействия для устойчивого и активного развития отношений.

Заявления двух лидеров свидетельствуют о необходимости поставить общие интересы во главу межгосударственных отношений и сделать так, чтобы разногласия и расхождения не препятствовали общей тенденции развития двусторонних контактов. Расширив кругозор и учитывая интересы двух сторон и всего мира, можно содействовать продвижению китайско-американских отношений.

Для более широкого обзора необходимо встать выше и взглянуть дальше, то есть через "бинокль" посмотреть на будущее китайско-американских отношений, а не преувеличивать проблемы, рассматривая их через "микроскоп". Только при условии расширения общих интересов межгосударственные отношения смогут непрерывно прогрессировать, при этом единственно правильным выбором является сотрудничество, нацеленное на обоюдный выигрыш.

Китай и США - крупнейшая развивающаяся страна и самая большая развитая страна, две передовые экономики мира - обладают очень широким пространством для сотрудничества, где они могут и должны взаимодействовать.

С другой стороны, отношения Китая и США уже вышли за рамки двусторонних. Их взаимовыгодное сотрудничество позволит добиться многостороннего и совместного выигрыша для всего человечества.

На прошедшей встрече лидеров двух стран были достигнуты договоренности в ряде сфер, что демонстрирует широту и глубину сотрудничества и принесет миру выгоду в процессе противостояния актуальным глобальным вызовам.

По оценкам политологов КНР, китайско-американские отношения - приоритет приоритетов китайской внешней политики: они всеобъемлющи, охватывают проблемы и модернизации, и роста комплексной государственной мощи, и национальной безопасности. При этом они занимают первостепенное место в двусторонних отношениях современного мира и уже сегодня во многом воздействуют; а завтра, возможно, в

определяющей степени станут влиять на глобальный характер международной ситуации. Вместе с тем, с учетом наметившейся борьбы за лидирующее место в мире, и КНР, и США имеют основания относиться друг к другу с некоторыми опасениями.

2.3. Российско-китайские отношения в XXI в. Ситуационный анализ

Китайско-российские отношения равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие, имеют целый ряд особенностей и преимуществ, лежащие в их основе принципы полностью соответствуют Уставу ООН и нормам международного права. Китай и Россия соблюдают принципы добрососедства, взаимовыгодного сотрудничества и долгосрочной стабильности, принципы «невступления в какой-либо союз, направленный против третьей страны», добились поставленной цели стать «хорошими соседями». Такие отношения имеют прочную базу, перспективные цели и широкое влияние. Их база прочна, потому что в основу заложены пять принципов мирного сосуществования (уважение суверенитета и территориальной целостности, ненападения, невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование). Влияние широко потому, что соседи - Китай и Россия - являются постоянными членами Совета Безопасности ООН, и влияние дружественного развития китайско-российских отношений носит не только региональный, но и глобальный характер. В условиях экономической изоляции России со стороны западных стран, КНР остается, по сути, единственным партнером России, который имеет вес в международных отношениях.

Китайско-российские отношения партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие, учитывающее интересы всех сторон, очень важны для укрепления мира на всей планете, то есть такие отношения

отвечают не только интересам и чаяниям народов Китая и России, но и идут на пользу миру и стабильности в регионе и во всем мире.

Цель анализа: выявить и проанализировать возможные перспективы стратегического, экономического и политического сотрудничества России и КНР.

Актуальность анализа: в основе российско-китайского партнерства лежит курс обоих государств на проведение самостоятельной и многовекторной внешней политики. Каждый из его участников оставляет полный простор для маневра на всех других направлениях своей внешней политики. В нынешней политической ситуации России нужны не просто хорошие, но образцовые отношения с Китаем – второй экономикой мира, привилегированным членом ведущих мировых организаций. Пекин – важнейший стратегический партнер России, благодаря связям с которым она успешнее может включиться в интеграционные процессы в АТР, ее внешняя политика способна стать менее односторонней, а ее фронт с Западом приобрести характер принципиального спора по поводу будущего характера мироустройства.

Важно выделить основные события в истории взаимоотношений России и КНР, начиная с 1991 г.

1991 - Распад СССР, Китай признает Россию наследницей Советского Союза.

В ходе визита в СССР Цзян Цзэминя был подписан договор о лимитации основной части границы.

1992 - Б.Н. Ельцин нанес официальный визит в КНР, в ходе которого было заявлено о необходимости развивать отношения.

1996 - В ходе очередного саммита в Пекине стороны заявили о намерении развивать «стратегическое партнерство», основанное на равенстве и доверии. Тогда же был сделан еще один шаг в урегулировании территориальной проблемы. К концу века между странами оставались вопросы только по трем островам на реках Амур и Аргунь.

2001 - Состоялся визит в Москву Цзян Цзэминя, который принес Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве сроком на 20 лет.

2002 - Во время визита В.В. Путина в Китай стороны констатировали дальнейший прогресс в отношениях.

2004 - Вскоре были полностью урегулированы пограничные споры. Речь идет о подписании и ратификации 14 октября 2004 г. российско-китайского Дополнительного соглашения о государственной границе на ее восточном участке, которое определило прохождение линии совместной границы на всем ее протяжении. По этому соглашению Россия уступила Китаю нескольких островов на пограничной реке Амур.

2005 - Важным событием в истории двусторонних отношений стали первые совместные военные учения Вооруженных сил Российской Федерации и Народно-освободительной армии Китая (НОАК) «Мирная миссия - 2005», которые проходили 18-25 августа 2005 г. на территории России и Китая.

2006 - Официальный визит В.В. Путина в КНР. Центральным его мероприятием стала официальная церемония открытия Года Российской Федерации в Китайской Народной Республике. По итогам переговоров В.В. Путин и Ху Цзиньтао подписали совместную декларацию, в которой стороны подвели итоги первого десятилетия российско-китайских отношений стратегического партнерства. Всего в ходе визита стороны заключили 28 межправительственных, межведомственных и коммерческих соглашений, затрагивающих различные области сотрудничества России и Китая. Лидеры двух стран приняли участие в работе Российско-китайского экономического форума, собравшего свыше 600 представителей деловых кругов.

2007 - Ху Цзиньтао нанес ответный визит в Москву для проведения переговоров с российским руководством и открытия Года Китая в России.

2009 - РФ и КНР утвердили Соглашение о сотрудничестве в нефтяной сфере, что дало толчок для строительства и активного использования нефтепровода «Сковородино-Мохэ», в 2013 г. было подписано следующее

Соглашение о расширении сотрудничества в сфере торговли сырой нефтью, направленное на увеличение объемов поставок сырой нефти в Китай.

2010 - Достигнуто Соглашение об открытии отделения торгового представительства РФ в КНР в г. Шанхай, представляющего интересы России и являющегося частью Генерального Консульства России в г. Шанхай.

2011 - В Пекине был подписан Меморандум между правительствами РФ и КНР о партнерстве в области модернизации экономики, способствующем созданию наиболее благоприятных условий для ведения российскими компаниями предпринимательской деятельности, содействовать реализации совместных проектов, инвестированию в инновационные технологии, продвижению на рынок современных конкурентоспособных продуктов.

2012 - Год российского туризма в Китае. (По статистике российской стороны, количество китайских туристов, побывавших в России в 2012 году, увеличилось на 47 % по сравнению с предыдущим годом.

2013 - Год китайского туризма в России.

2014 - 21 мая 2014 года российский «Газпром» и Китайская национальная нефтегазовая корпорация (CNPC) заключили тридцатилетний договор на поставку газа - контракт предусматривает поставку до 38 млрд кубометров газа в год с общей ценой \$400 млрд за 30 лет. Контракт является крупнейшим за всю историю газовой отрасли СССР и России, и, по-видимому, крупнейшим соглашением о поставках газа за всю историю мировой газовой промышленности.

Китай предоставил финансирование попавшим из-за Украинского кризиса под западные санкции российским банкам. Тем самым Китай не просто отказался поддержать антироссийские санкции, но и недвусмысленно заявил, что поможет России справиться с ними. В числе прочего, China Development Bank выдал Мегафону кредит на полмиллиарда долларов, а ВТБ, ВЭБ и «Россельхозбанк» получают финансирование от China EximBank

под импортно-экспортные сделки. Китай предоставит кредит в \$25 млрд для развития месторождений углеводородов и для строительства газопровода «Сила Сибири».

2015 - В июле 2015 г. МИД КНР заявил, что Китай готов инвестировать во все отрасли российской экономики. За первое полугодие 2015 г. Китай уже приобрёл российские облигации на сумму в 50-60 млрд рублей.

2016 - Россия и Китай подписали соглашение о строительстве железной дороги, которая соединит Восточную Сибирь и провинцию Цзилинь на северо-востоке Китая. Сообщается, что начало строительства ожидается с ближайšie несколько лет. [Отношения России и Китая. Режим доступа: http://ruxpert.ru/Отношения_России_и_Китая Дата обращения: 15.06.2016]

В политическом сотрудничестве РФ и КНР на глобальном и региональном уровне, а также на уровне двусторонних отношений следует отметить наличие различных факторов. Эти факторы могут, как стимулировать прогресс российско-китайских связей, так и тормозить или даже сводить на нет их позитивное содержание. Кроме того, у России и Китая есть широкий спектр взаимных интересов в сфере безопасности. Оптимальная, с точки зрения интересов Китая, модель экономического сотрудничества с Россией основана на получении возрастающих объемов российских энергоресурсов, позволяющих решить задачу снижения напряженности с нефтью на внутреннем рынке и обеспечивающих расширение источников ее импорта. Обе стороны могут использовать объединенные усилия для борьбы против терроризма, распространения оружия массового уничтожения, незаконной передачи легкого и стрелкового оружия, а также поддерживать инициативы других государств, направленные на пресечение или предотвращение подобных действий. Мы составили список факторов, влияющих на развитие российско-китайских отношений, и разобрались в их положительном и негативном влиянии:

1. Исторический фактор

Положительные: исторически взаимоотношения России и Китая складывались сложно, но было немало моментов, когда страны выручали друг друга и заключали Союзные договора, как например, Союзный договор 1896 года. А учитывая идеологическую близость СССР и КНР во второй половине XX в., визиты Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина в Москву, можно сказать что исторический фактор благоприятно влияет на развитие российско-китайских отношений.

Негативные: Также, между Россией и КНР были времена охлаждения отношений, когда КНР сближались с США. Это показывает историческую нестабильность и изворотливость внешней политики КНР, что может указывать на негативное влияние в контексте современного российско-китайского сотрудничества.

2. Геополитический

Положительные: Геополитический союз России и Китая называют «идеальным». Китайско-российское сотрудничество в этом регионе началось со взаимного сокращения вооруженных сил и установления режима доверия в приграничных районах. Учитывая тесные связи России с Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном, сотрудничество между Россией и Китаем естественным образом было распространено и на Центральную Азию. Безопасность и меры доверия в военной области в приграничных районах надолго останутся ключевым элементом китайско-российского сотрудничества в Центральной Азии. А также, учитывая сотрудничество РФ и КНР в рамках ШОС (Приложение 1), можно смело называть их партнерство примером стабильного геополитического сотрудничества. [Военный, экономический и политический союз России и Китая коренным образом меняет мир. Режим доступа: <http://www.politforums.net/world/1432274474.html> Дата обращения: 15.06.2016]

Негативные: Все-таки несмотря на сотрудничество КНР и РФ в регионе, следует понимать, что в любой момент между странами может начаться конфронтация за передел влияния над странами.

3. Экономический

Положительные: В рамках экономического сотрудничества РФ и КНР практически являются главными торговыми партнерами друг для друга. В 2014 году был заключен крупнейший договор и поставках российской нефти в Китай (Приложение 3). У двух стран общие планы по созданию «Экономического пояса Шелкового пути». В условиях политических и экономических санкций Запада, КНР стал для России важнейшим партнером, ведь обладая мощной экономикой, мало зависимой от Запада, китайцы не просто не поддержали санкции против России, но и помогают с ними справляться.

[Китай толкает

Россию на шелковый путь. Режим доступа: <http://expert.ru/dossier/story/rossiya-i-kitaj/> Дата обращения: 15.06.2016]

Негативные: КНР также является надежным экономическим партнером США, что в последствии может привести к эскалации напряжения в треугольнике Россия – КНР – США. Помимо этого, КНР и РФ являются соперниками в экспорте металлов.

4. Энергетический

Положительные: Китайско-российское энергетическое сотрудничество имеет взаимодополняющий характер. Россия — это страна, которая добывает и экспортирует газ (наиболее крупный экспортер в мире!). Она — второй по величине мировой экспортер нефти. В России также есть богатые запасы угля, и создан прочный фундамент в сфере ядерной энергетики. Китай является одним из крупнейших потребителей энергоресурсов, а также крупнейшей страной-импортером нефти. КНР также занимает второе место в мире по потреблению сырой нефти и третье по потреблению природного газа (Приложение 2). Строительство газопровода «Сила Сибири» демонстрирует важность энергетического сотрудничества России и КНР. [Российский

экспорт нефти: результаты десятилетия. Режим доступа: <http://neftegaz.ru/analysis/view/207-Rossiyskiy-eksport-nefti-rezultaty-desyatiletiya> Дата обращения: 15.06.2016]

Негативные: В вопросе торговли газом и нефтью, у каждой из стран свои интересы. Например, наживаясь на слабом экономическом положении России, Китай ведет с нами энергетическую торговлю в долларах, курс которого по отношению к рублю чрезвычайно завышен.

5. Цивилизационный

Положительные: Тем не менее, сотрудничество России и Китая в гуманитарной сфере служит доказательством того, что страны с различными этнокультурными традициями могут успешно выстраивать свои отношения.

Негативные: В силу историко-географических особенностей в Китае уже в древности сложилось представление о превосходстве китайского этноса и цивилизации над всеми остальными. Это нашло свое отражение в названии страны – Чжунго (Срединное государство), то есть центр всего известного тогда китайцам цивилизованного мира. Такое представление китайцев о своем государстве и себе самих сохранилось до настоящего времени. Подобный менталитет может помешать КНР стать надежным партнером в двусторонних дружеских отношениях. [Китайская империя. Режим доступа: <http://dergachev.ru/Landscapes-of-life/Imperial-geopolitics/03.html#.V2DnzruLTIU> Дата обращения: 15.06.2016]

6. Личностный

Положительные: Лидеры двух стран Владимир Путин и Си Цзиньпин постоянно устраивают встречи, обсуждают политику и сотрудничество. Си Цзиньпин неоднократно посещал Москву на Параде Победе. Отношениях двух лидеров свидетельствуют о явной важности российско-китайской дружбы для держав.

7. Внешнеполитический

Положительные: Учитывая гегемонистские настроения США и их навязывание своей политики Евросоюзу, внешнеполитический союз РФ и

КНР выглядит плодотворным в плане противопоставления блоку НАТО и распределения полюсов силы.

Негативные: Внешнеполитическая доктрина КНР со времен заложения идеологических основ Дэн Сяопином представляется как гибкая система без острых углов. КНР не вступают в открытую конфронтацию ни с одним из полюсов силы, проявляя определенную двуличность.

8. Демографический

Негативные: Россия – самая крупная страна в мире, а КНР – самая населенная. Уже сейчас существуют договоры, по которым РФ отдает Китаю часть земель Дальнего Востока для освоения. С этой стороны присутствует огромная угроза для РФ дальнейшей китайской экспансии Дальнего Востока, их влияния на всю восточную часть страны.

9. Территориальный

Положительные: Учитывая демаркацию территории в 2005 году, на данный момент нет никаких официальных претензий по территории ни у Китая к России, ни у России к Китаю.

Негативные: Несмотря на то, что в 2005 году на волне сотрудничества Китая и РФ, была проведена полная демаркация границ двух государств, якобы устраивающая обе стороны, нужно учесть исторические конфликты РФ и КНР в территориальном плане. Рано или поздно вполне возможна эскалация старых конфликтов.

На основе приведенных фактов и размышлений, мы спрогнозировали три возможных сценария развития событий:

Сценарий 1: «Смертельная дружба». КНР попытается воспользоваться враждой РФ с США и Европой, и неожиданно для России начать экспансию Сибири и Дальнего Востока в момент, когда Россия будет слабее всего. Россия может оказаться в проигрышном положении при данном сценарии развития события, потому что Китай являлся главным партнером России и стратегическое вооружение на пограничных с КНР территориях не были приоритетом РФ. Выкачивая из России энергоресурсы и природные ресурсы,

Китай отправляет в Россию низкокачественные результаты своей экономики и промышленности, вгоняя Россию в зависимость от торговли с ними.

Условия:

- Продолжение гнета западных санкций против РФ;
- Отсутствие диалога России с западными странами;
- Потеря торговых связей по продаже газа с Европой в связи с постройкой Трансандриатического газопровода;
- Рост экономической мощи КНР;
- Рост населения КНР;
- Рост военной мощи КНР;
- Продолжение сотрудничества РФ и КНР по программе заселения дальневосточных земель китайскими рабочими.

Последствия: Последствия при данном сценарии могут быть самыми разными и непредсказуемыми. Возможны военные действия между РФ и КНР. Возможно сближение России с США и создание антикитайского блока, ведь усиление Китая и превращение его в сверхдержаву не выгодно никому в мире.

Возможно нахождение компромисса с Китаем, с передачей определенных земель России под их контроль (Приложение 5).

Вероятность сценария: Учитывая цивилизационные особенности КНР, такие как этноцентризм, можно сказать что такой сценарий вполне вероятен. Китай не та страна, с которой нужно дружить слишком тесно. Но в то же время, в их истории не насчитывается подобных экспансионистских захватнических кампаний, их споры за территорию не являлись крупными и не приводили к мировым войнам. Поэтому довольно сомнительно, что даже учитывая экономическую и военную мощь Китая, они рискнут пойти путем экспансии.

Сценарий 2: Рациональная дружба. КНР и Россия продолжают в противовес США выжимать все полезное из своего сотрудничества,

наращивать экономическую мощь, сотрудничать в рамках ШОС и образуют новый полюс силы на востоке (Приложение 6).

Условия:

- Обоюдновыгодное сотрудничество РФ и КНР;
- Отсутствие территориальных и экономических конфликтов между государствами;
- Китай не улучшает отношения с США.

Последствия: В результате такого сценария, Россия может продолжать диктовать свои условия Западу по вопросу Крыма и Сирии, ведь экономические санкции не так страшны благодаря экономическому сотрудничеству с Китаем.

В ситуации эскалации напряжения между РФ и НАТО, Китай должен будет оказать поддержку России, но скорее всего откажется это сделать и сохранит нейтралитет.

КНР становится мощнейшим экономическим гегемоном, ведь у него есть все возможности для развития – сотрудничество с Россией и отсутствие конфронтации с США.

Вероятность: Вероятность такого наиболее привлекательного для России сценария, на наш взгляд, является довольно средней, ведь учитывая внешнеполитическую доктрину КНР, они никогда не откажутся от сотрудничества с США. А поскольку этот полюс внешней политики будет по-прежнему играть важную роль в политике КНР, это может вызвать недопонимания с российской стороной.

Сценарий 3. Сближение КНР с США. Учитывая крупный объем экономических и торговых связей, а также полное отсутствие исторических противоречий и территориальных споров, США и Китая находят друг в друге крепких и верных союзников и строят биполярный мир против России (Приложение 4).

Условия:

- Обострение территориальных споров РФ и КНР;
- Увеличение экономического и геополитического сотрудничества КНР и НАТО;
- Ослабление России санкциями и недееспособность ее как сильного союзника для Китая.

Последствия: Последствиями данного сценария станет постройка второго биполярного мира с КНР и НАТО во главе. Россия сильно ослабеет и потеряет позиции в мировом разделе центров влияния.

Вероятность: Вероятность данного сценария маловероятна, ведь даже при сближении против России, США и КНР останутся соперниками в экономическом и политическом влиянии. Это запад и восток, абсолютно противоположные друг другу страны по менталитету, цивилизационному подходу. Между ними никогда не было тесного военного сотрудничества. У рациональной дружбы КНР с Россией гораздо больше предпосылок.

Анализируя все представленные факторы и сценарии развития, мы можем сделать вывод о том, что вероятнее всего продолжение рациональной дружбы России и КНР. Тем не менее, ситуация в мире накаляется, нельзя не учитывать возможную смену власти в США, которая может привести совершенно иную линию событий. России стоит сотрудничать с КНР, ведь это очень мощный экономический союзник, но также не стоит и слишком близко подпускать к себе этноцентричных китайцев. Идеологические основы внешнеполитической доктрины КНР еще с середины XX в. полагаются на принципы двойственности. КНР при любом раскладе будет держать в голове запасной план и всегда может изменить направление своей политики не в пользу России. Важнейшим фактором является территориальный, китайские политики часто заявляют, что «трудолюбивому и многочисленному» народу Китая нужны необъятные просторы Сибири для расселения. Такая держава как Россия, учитывая ее исторические имперские амбиции, ни за что не захочет терять обширные и богатые ресурсами территории. Постепенно

экономическая мощь Китая станет настолько велика, что они могут привести мировую обстановку к коллапсу.

Заключение

В условиях постбиполярности, внешняя политика КНР стала одним из важнейших факторов современного миропорядка. Учитывая крайне быстрый рост экономического могущества Китая и его независимость от мирового сообщества, КНР близок к вступлению в этап трансформации в сверхдержаву. Внешнеполитический курс невмешательства в различные конфронтации сначала держал Китай на периферии, но постепенно стали очевидны выгоды данного положения. Занимаясь мирной экономической экспансией граничащих с собой государств, Китайская Народная Республика стала одним из лидеров и флагманов Азиатско-Тихоокеанского региона и региона Центральной Азии. Также, учитывая санкции США и ЕС против России, КНР стал наиболее важным и главным экономическим и геополитическим партнером России, что также работает на руку усилению Китая.

В первом параграфе первой главы мы охарактеризовали особенности постбиполярной системы международных отношений. Современная ситуация в международных отношениях является крайне сложной и запутанной - обилие акторов и перераспределение полюсов силы полностью смыкает границы биполярности и помогает развивать влияние самых разных государств в регионах. Китай, несмотря на свое военное невмешательство, также, как и Россия и США пытается ухватить свою часть влияния в Азии.

Во втором параграфе первой главы был дан обширный анализ текущего положения дел для КНР в условиях постбиполярности. Были проанализированы основные направления внешней политики КНР и их перспективы развития. Рассмотрены главные проблемы и вопросы по поводу влияния КНР в Азии, Латинской Америке, Африке. Сопоставлены перспективы внешнеполитического курса в треугольнике Россия – США – Китай. Рассмотрены проблемы тайваньского вопроса.

В третьем параграфе первой главы определены основные внешнеполитические тенденции Китая, их историческое и идеологическое начало. Просмотрены и кратко изложены основные документы, посвященные основополагающим принципам внешней политики КНР, изучены монографии Дэн Сяопина, важнейшего вдохновителя эволюции внешнеполитических изменений в Китае. Выделен общий вектор развития, и дальнейшие изменения внешней политики вплоть до XXI в.

В первом параграфе второй главы рассмотрены внешнеполитические связи Китая с центральноазиатскими государствами и государствами Азиатско-Тихоокеанского региона. Определены рамки и границы АТР и Центральной Азии. По взаимоотношениям Китая с каждым из государств расписаны основные пункты и направления. Сделаны выводы и проанализированы изменения во внешней политике КНР в регионе с учетом эволюции концепций внешнеполитического курса.

Во втором параграфе второй главы проанализирован современный уровень взаимоотношений США и КНР. Выделены основные и важнейшие моменты и договоры между государствами, рассмотрены как положительные стороны межгосударственных отношений, так и конфронтационные моменты. С учетом сегодняшней постбиполярной системы международных отношений в мире, сделаны выводы о дальнейших перспективах сотрудничества и противостояния двух государств.

В третьем параграфе второй главы мы проанализировали внешнюю политику Китая в отношении Российской Федерации, а также спрогнозировали дальнейшие сценарии развития отношений КНР и РФ при помощи ситуационного анализа. Выделили основные договоры и важнейшие события в межгосударственных отношениях с 1991 года по 2016, что обусловлено распадом СССР и признанием России Китаем. Также были выделены главные факторы межгосударственных отношений, проанализировано их положительное и негативное влияние на дальнейшее развитие международных отношений.

По итогам нашей работы можно сделать следующие выводы. Несмотря на стабильное сотрудничество и дружбу России и Китая на протяжении уже 25 лет, в двухсторонних отношениях государств существуют и потенциальные угрозы. Учитывая нарастающие перспективы КНР в плане трансформации этого государства в сверхдержаву и одного из мощнейших полюсов силы на востоке, следует рассматривать внешнюю политику КНР в контексте треугольника Россия – США – КНР, чему и посвящены второй и третий параграфы во второй главе нашей работы. Особенно остро стоит проблема сотрудничества и сближения между Россией и КНР. С одной стороны, это очень перспективный и мощный экономический и политический союз, но с другой стороны, он является рискованным поскольку слишком много факторов говорят о возможных проблемах этого союза в будущем. Идеологические основы внешнеполитической доктрины КНР еще с середины XX в. полагаются на принципы двойственности. КНР при любом раскладе будет иметь запасной план и всегда может изменить направление своей политики не в пользу России. Конечно, многое в пользу дальнейшей дружбы РФ и КНР говорит их сотрудничество в международных организациях, например, в ШОС. Но в тоже время, сложная ситуация в постбиполярной системе международных отношений показывает что в реалиях неореализма, государство является наиболее важным актором международных отношений, и в своих интересах Китай легко может забыть о договорах в ШОС и других организациях.

Важнейшим фактором является территориальный, ведь китайские политики часто заявляют, что «трудолюбивому и многочисленному» народу Китая нужны необъятные просторы Сибири для расселения. Такая держава как Россия, учитывая ее исторические имперские амбиции, ни за что не захочет терять обширные и богатые ресурсами территории. Постепенно экономическая мощь Китая станет настолько велика, что они могут привести мировую обстановку к коллапсу.

Список использованных источников и литературы

1. Александрова М. В. Состояние, проблемы и потенциал приграничного и межрегионального сотрудничества РФ и КНР // Российско-китайские отношения состояние перспективы. М., 2005. стр
2. Арин О. Стратегические контуры Восточной Азии в XXI в. Россия: ни шагу вперед. М., 2000. с
3. Бажанов Е.П. Приоритеты России в меняющемся мире. М.: Научная книга, 2000. с
4. Балакин В.И. О российско-китайских отношениях стратегического партнерства в глобализирующемся мире // Российско-китайские отношения состояние перспективы. М., 2005.
5. Бергер Я. «Большая стратегия Китая в оценках американских и китайских исследователей» // «Проблемы Дальнего Востока», 2006, №1
6. Бергер Я. XVI съезд КПК и стратегия социально-экономического развития Китая. Проблемы Дальнего Востока, 2003, № 3.
7. Болятко Л. Угрозы и вызовы России в Азиатско-Тихоокеанском регионе // «Проблемы Дальнего Востока», 2000, №3.
8. Бунин В.П. Японо-американский союз безопасности. История и современность (К 50-летию со дня основания). М.: ИДВ РАН, 2000.
9. Волохова А.А. Отношения России с КНР. Внешняя политика современной России. Сб. ст. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2000.
10. Воскресенский А.Д. Влияние российско-китайского стратегического взаимодействия на международные отношения и безопасность в АТР // Россия и Китай сотрудничество в условиях глобализации. М. 2005.
11. Воскресенский А.Д. Внешняя политика России в Северо-Восточной и Центральной Азии: вызовы, возможности и перспективы //

Северо-восточная и центральная Азия: динамика международных и межрегиональных взаимодействий. М., 2004.

12. Галенович Ю.М. Ипостаси Китая в современных международных отношениях // Китай в мировой политике. М., 2003.

13. Галенович Ю.М. Россия-Китай-Америка: От соперничества к гармонии интересов? — М.: «Русская панорама», 2006. 575 с.

14. Галенович Ю.М. Россия Китай: шесть договоров // Россия и Китай на пороге третьего тысячелетия: Москва Пекин, Москва Тайвань. М. 2002.

15. Галенович Ю.М. Америка и Китай: история и перспективы взаимоотношений // Китай в мировой политике. М., 2003.

16. Гизе К. Мобильность и миграция в Китае // Народонаселение и экология ключевые факторы реформ. Институт Дальнего Востока РАН. Вып. 3-4, М., 2003.

17. Давыдов А. «Китай в современной внешнеполитической стратегии США» // «Проблемы Дальнего Востока», 2005, №3

18. Делюсин Л.П. Дэн Сяопин и реформация китайского социализма. М., 2003.

19. Делягин М. Общая теория глобализации. М.: Экспертный институт, 1999. С. 4.

20. Демченко Л. М. Эволюция российско-китайских отношений в 1990-е годы (политический, торгово-экономический и военно-технические аспекты отношений). Канд. дисс., М., 2003.

21. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Проблемы Дальнего Востока. 2001. №5.

22. Жирнов Д.А. Модель международных отношений в контексте взаимодействия России и Китая. М., 2002.

23. Ивашов Л. Россия Китай: перспективы военно-технического сотрудничества// Аналитические записки. М., 2006.

24. Клейнер Г.Б. Основные принципы политики и стратегии США в отношениях с Россией. — Экономические науки современной России, №2 (7). Экспресс выпуск, 2000.
25. Лукин А. Постбиполярный мир: мирное сосуществование или хаос? 2016 г. № 1, с. 17–29
26. Матяш В.П. Взаимоотношения Российской Федерации, США и Европейского Союза в глобализирующемся мире. Докт. дисс. М., 2003.
27. Миграционная ситуация на Дальнем Востоке: история и современность. МЛ, 2003.
28. Михеев В. «Треугольник Россия США Китай после 11 сентября» // «Проблемы Дальнего Востока», 2002, №1
29. Мочульский А.Ф. Об аналитической записки ЦИВА «Шанхайская организация сотрудничества: структурное оформление и перспективы развития» // Аналитические доклады Научно-координационного совета по международным исследования МГИМО (У) МИД России. М., 2006.
30. Песков Ю.С. ШОС в российско-китайских отношениях // Российско-китайские отношения состояние перспективы. М., 2005.
31. Примаков Н. М. На горизонте многополярный мир. Независимая газета, 22.10.1996.
32. Рахманин О.Б. К истории отношений России-СССР с Китаем в XX веке. М., 2002.
33. Рогачев И. «Пятьдесят пять лет отношений с новым Китаем к укреплению добрососедства, партнерства и взаимодействия» // «Проблемы Дальнего Востока», 2004, №5
34. Салиев А.Л. Восточный вектор внешней политики Кыргызстана: Азиатско-Тихоокеанский регион и Ближний Восток, 2011. С.122
35. Салицкий А.И. Внешнеэкономическая стратегия КНР // Китай в мировой политике. М., 2003.

36. Сафронова Р.И., Тихонов О.С. Проблемы Центрально-азиатской интеграции в контексте ШОС // Китай в мировой и региональной политике. М., 2003.
37. Селищев А.С., Селищев Н.А. Китайская экономика в XXI веке. Спб. Питер, 2004. С.27.
38. Современная мировая политика. Прикладной анализ / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 112.
39. Титаренко М.И. Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество в контексте глобализации и интеграционных процессов в АТР // Выступление на XI международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир». 27 сентября 2000 г.
40. Томберг И. Энергодиалог Россия Китай: новые тенденции // Аналитические записки. М., 2006.
41. Торкунов А.В., Уфимцев Е.П. Корейская проблема: новый взгляд. М., 1995.
42. Торкунов А.В. Внешняя политика и безопасность современной России 1991 2002. В 4-х т. М., 2002.
43. Тюрина О. Экономическая политика США в Восточной Азии. — Проблемы преобразования и регулирования региональных социально-экономических систем (выпуск 14). Санкт-Петербург: Институт проблем региональной экономики РАИ, 2002.
44. Уткин А. Единственная сверхдержава. М.: Алгоритм, 2002.
45. Цыгаков П.А. История Международных отношений М., 2002. С. 214
46. Цыплаков С., Попов Е. Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество: проблемы и перспективы // Проблемы Дальнего Востока.2003, №4
47. Яскина Г. С. Россия Китай Индия: перспективы трехстороннего сотрудничества// Проблемы Дальнего Востока,2003, № 1.

48. Ван Лисинь «О прагматичной внешней политике Путина и китайско-российском сотрудничестве» // Дунбэйялуньтань, Цзилинь, 2002, № 2.
49. Ван Цисы «Главные особенности новой ситуации и внешняя политика Китая» //Сяньдай гоцзи гуаиьси, 2003. № 4.
50. Ван Цисы «Изучать текущее развитие глобальной стратегии США» // «Сяньдай гоцзи гуаиьси», 2004. № 1.
51. Вэй Цзуилэй «Перестройка дислокации американских войск в связи с концепцией «новой войны» //Сяньдай гоцзи гуаньси. 2004. № 9.
52. Гао Кэ «Китайско-американские отношения» (геополитическая ситуация в СВА в начале XXI в.: региональная политика и межгосударственные отношения) // «Цзилинь», 2004
53. Ли Кэмин «О концепции комплексной безопасности России» // «Гоцзи чжаньлюэ яньцзю», Пекин, 2002, № 2
54. Си Цзиньпин. Взавшись за руки строить новое партнерство, предусматривающее сотрудничество и общую выгоду, в единстве создавать общую судьбу человечества. (Xieshou goujian hezuo gongying xin huoran tongxin dazao renlei mingyun gongtongti). / Жэньминь жибао, 29.09.2015.
55. Сюй Жуйвэнь. Развитие тайваньско-российских отношений. 1995-1996 (Механизм принятия решения). Канд. дисс. М., 1997.
56. Сюй Чжимин. Экономические и внешнеторговые связи между Китаем и Россией. Проблемы Дальнего Востока. 2002, № 6.
57. Хоу Вэньчжу Политика Китая в отношении внешней миграции // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 6.
58. Цзи Чжие «Альтернативное сотрудничество: региональная внешняя политика России в АТР и китайско-российское сотрудничество» // «Гоцзи маои», 2003, №12
59. Цзинь Ланьжуи «Международные позиции США с точки зрения равновесия внутренних механизмов» //Сяньдай гоцзи гуаньси, 2004. № 3.

60. Цзя Цинго «В китайской политике США существуют переменные величины» // «Сяньдай гоцзи гуаньси», 2004. № 11

61. Ши Инхун. Возрождению Китая нужно пять элементов // Гоцзи сяцзюй даобао. 22.03.2004.

62. Ши Ипхунь «Международный вес США: сравнение и изменения» //Сяньдай гоцзи гуаньси, 2004. № 3.

63. Экономические реформы в России и КНР: проблемы и перспективы. М., 2000.

64. Юй Шумаиь «О нынешней внешней политике США» // «Гоцзи чжаньлюэ яньцзю», 2004. № 2.

Приложения

Приложение 1

Статус КНР в международных организациях

Организация	Статус
Латиноамериканская ассоциация интеграции	Наблюдатель
Международная организация по вопросам миграции	Наблюдатель
Международная организация по стандартизации (МОС)	Постоянный член
Азиатский банк развития	Постоянный член
АТЭС	Постоянный член
ВТО	Постоянный член
МВФ	Постоянный член
Многостороннее агентство по инвестиционным гарантиям (МАИГ)	Постоянный член
Международная Ассоциация Развития (МАР)	Постоянный член
ШОС	Постоянный член
Региональный Форум АСЕАН (РФА)	Постоянный член
АСЕАН	Постоянный член
СБ ООН	Постоянный член
МАГАТЭ	Постоянный член
Организация Объединённых Наций по промышленному развитию	Постоянный член
Управления верховного комиссара ООН по делам беженцев	Постоянный член
ЮНЕСКО	Постоянный член

Таблица товарооборота между Россией и Китаем 2014-2015 гг.

Карикатура о российско-китайских отношениях в противовес антироссийских санкций

Карикатура о России, которую прессингуют снаружи ЕС, НАТО и КНР

Карикатура о будущем России

Карикатура о дружбе России и Китая против США

